

Журнал «РЕЦ»

№ 46, август 2007

**«Синтаксический эксперимент
в современной русской поэзии»**

Выпускающий редактор
Павел Гольдин

Содержание

<i>Предисловие</i>	3
Шамшад Абдуллаев	6
Александр Скидан	13
Андрей Поляков	14
Николай Звягинцев	20
Канат Омар.....	23
Василий Бородин.....	27
Виктор Іванів	29
Мария Вирхов	31
Гали-Дана Зингер.....	33
Александр Платонов	40
Андрей Сен-Сеньков	45
Юрий Цаплин	47
Ника Скандиака	50
Анна Глазова	82
Тимофей Дунченко	88
Дина Гатина.....	98
Вера Сажина	100
<i>Об авторах</i>	105

Издатель: арт-группа “РЦЫ”, Калининград
<http://polutona.ru>

Редакция:

Павел Настин - координатор проекта, редактор
trishna@yandex.ru
Ирина Максимова - дизайнер, редактор
irimax@yandex.ru

Верстка номера: Ирина Максимова
©2007

Все права принадлежат авторам опубликованных материалов
Все материалы опубликованы с личного согласия авторов

Предисловие

Дарья Суховой: поэтусторонний мир

(здесь должен быть тэг «смотреть с конца»)

(список запрещенных слов: **живой журнал, языковая норма, поэтическая традиция, реакция распада, энергия заблуждения**)

Этот номер электронного литературного журнала «Рец» по замыслу редактора, Павла Гольдина, посвящен поиску новых связей между словами, лексико-синтаксической незамкнутости текста. Если совсем по-простому, то это набор явлений в поэзии, идущий от *забыл повеситься лечу америкам* Кручёных и *И, тоненький бисквит ломая, тончайших пальцев белизна* Мандельштама. Естественно, если взять и просеять всю современную поэзию на предмет поиска таких вот штучек, то получится куча неразгребаемая, в то же время нынешний состав журнала можно счесть вполне прозрачным и адекватным, хоть реферат пиши.

Большинству авторов – около 30-ти, среди тех, кто старше, известны чуть ли не как классики Шамшад Абдуллаев и Александр Скидан. Абдуллаев в описании лета колыхается от искомого нами мэйнпойнта: *У зернисто-пыльной колеи бесцветная поляна, / обглоданная кое-где ступнями мнимых бродяг, / лежит под ногами двоих. Они стоят / неподалеку от озера, как если бы озеро / могло лишь там находиться, / немного поодаль от них, / словно первый огромный предмет за пределами / их существа* до расслабленно-верлибрического повествования. Скидан представлен небольшими новыми текстами «блоковского цикла» (похожими на раннюю книгу «Delirium») о знании и хотении, в центонном переплетении: *а еще есть отчизна углич / режет коньками лед / и поет что твой галич / и трубят егеря.*

Из тех, о ком хоть что-нибудь известно, но автор предисловия не знает, кроме тех слов, которые при файле, туда же, ровно в это поколение:

Биофизик. Православный. Футболист,

но это вовсе не принципиально:

Александр Платонов, 1955 г.з.р., москвич,

известно, что рисован Кочейшвили:

Что скуперее чем память слепца? Ему не сойти с тропы / Его тропы протоптаны и хиазмы – винты / (или болты?) / с сорванной резьбой / не подходящие ни к одной // речи.

Далее плотным флангом идут те, кто моложе, однако уже известен именно с этой стороны – как словоисказитель-профессионал, ищущий дырки в системе языка оригинал.

Здесь же заметим, что, кажется, чтение

интернет-журнала не предполагает листать страницы только в одном направлении.

В линию: москвитянин Николай Звягинцев и крымчак Андрей Поляков, принадлежащие к одной и той же группе «Полуостров», существующей лет 15, а то и больше, танцуют стихами от связи современной информационной цивилизацией через разрушение тела и мира – один к античности (скорее, по названиям стихов, хотя и западная динамичность жизни видится между сдвигами), другой к Востоку (по общей модальности медитативного бытия): *чтобы медленной шага походкой / миллиметрами вспышек идти в бирюзовой такой темноте / к случайно-белому уелу / от света фонаря, / сырое, пресное созвездий серебро / глазами в темноте, / как будто бы губами, / перебирая, / перебирая...* Ой, Звягинцева забыла процитировать, тут про ревность: *У ощущения есть остаток, / Когда их много, а нам нельзя. / Смотри, по полю проходит sator, / Кидают зерна твои друзья. // Они сегодня подледным ловом / Впервые в жизни увлечены, / А ты стоишь на опушке слова, / Не замечая всех остальных.*

Чтоб уж сразу за магию, как литературный деятель Дмитрий Кузьмин пишет в блоге своём, ЗА ПЕРЕДОВУЮ МАГИЮ, процитируем Дину Гатину, у которой ещё более неу(с)лов(к)имое: *был болен / но исцелился клином / вином / хорошим сном / вчерашним / седлом велосипеда под соусом /*

Даша Суховей: поэтусторонний мир

хохота над / и под / ты меня извини / но это правда странное слово / камчатка, землеройка / боже сколько она ест – просочки меж словами действительно скорее по ведомству мага, чем филолога.

Хотя, как ни парадоксально, с некоторыми мэджиквёрс работают филологи, говоря, что эти стихи без компьютера никак, даже целый блок в восемьдесят-каком-то номере значимого журнала набросали, хотя по блоку видно, что авторы критик используют откровенно философскую модальность речения. На мой же взгляд, такие штуки скорее по ведомству ангелова крыла, невзирая на то, что я автор чуть ли не первого филологически дистиллированного упоминания об этих стихах. Вот вам, Ника Скандиака, верьте.

Цитированием я всё испорчу, поэтому скажу интересные вещи. Сейчас про Скандиаку и её поэтическую технику много говорят и пишут (причём поводом стала не вышедшая в этом году книга, а собственно способ писания стихов – гиперассоциативное письмо, и дискуссия по этому поводу началась до книги). Блок скорее философских материалов в восемьдесят-каком-то номере НЛО, постоянное фигурирование в качестве объекта исследования в докладах и статьях лингвиста Натальи Фатеевой, занимающейся языком современной поэзии, поэт Олег Дарк, признающийся в любви (в спецрубрике под это дело) в Воздухе 1-2007, поэт Валерий Черешня, недопонимающий стихи Скандиаки в каком-то Знамени за 2007 год, и поэт-филолог-куратор Дмитрий Кузьмин, дающий в Воздухе 2-2007 мастер-класс по чтению переплетений – Черешне и всем, кто хочет попытаться понять, упирая в прозрачность синтаксиса...

Я не зря это всё. Пытаясь объяснить свекрови-врачу, что же меня удивляет в этих стихах, я привела какой-то пример с гипотетическим вирусом, от которого в разное время болят разные части тела, и диагноз поставить нельзя. То есть, как мне кажется, поэтическое содержание, дух поэзии, здесь не в логике, фонетике и стилистике, а именно в скачках напряжения (да, включая тег PRYG для тех, кому некогда), в тексте, огромном, как тело динозавра. Потом вспомнила, что Фатеева в своё время цитировала про сифонофору с демонстрацией портрета существа с жесткой структурой, заглянула – Дарк говорил тоже о каких-то биологических вещах, а тут и я со своим вирусом...

Текст вначале рассеивается примерно на три, и поиск варианта документален, но документ на полупонятном языке (мне например, неведомо, почему бульвар похож на 2870). Это напоминает не сочинение или реконструкцию, а попытку перевода с плохознаемого языка, когда приходится выписывать на бумажку все значения всех слов. Обычно такая работа выглядит убористо – карандашом по плотноизданному оригиналу, а тут слова висят в воздухе как прозрачный июльский жар в воздухе улицы и прозрачный табачный дым в воздухе здания. Потом обсуждение документирует всякие электронные общения с другими лицами – и этот диалог тоже внутри текста, внутри поэзии, хотя местами безыскусен как трёп, но трёп, документ, настроение, эмоция, навсегда – получаются – неизменны.

Есть ещё мэджиквёрс мало мне известной Веры Сажиной (я пишу на даче, здесь и днесь интернета нет, а в Воздухе 2-2007 в биогр. сведениях нет даже г.р.): *Ты не ждала ведь такое / Лицо сделай лицо сделай / большое / с перепончатыми звёздами / Вокруг хурала.* – и совсем не известной мне Марии Вирхов: *то не жди / у нас будут эфиры / парфиры хрустальный мед // у нас новый год еще в пререди / недолет изумителен // всегда попадая просто так / в ништяное свое волокно // я клянусь моей матери птицей / все концом хорошо // саном живых / и мир детства.*

Тут бы ещё про-пе-у-ре-кать, что такое мэджиквёрс. В перспективе поэзии – это внятное осознание её истории от Тредьяковского до – не хочу говорить Хлебникова – он в 21 году умер – до Кручёных, в перспективе языкослома, даже точнее, языкокосма – есть такая книга некоего Познанского, вышедшая первым изданием в 1917 году и переизданная репринтно в 1990-е, про поэтику заговоров и заклинаний, и там пол-абзаца о том, что не получается с потусторонними силами нормативным языком разговаривать.

И вправду, попробуй отогнать насильника или собаку, убеждает ребенка съесть кашу или кричу первому кирпичу, упавшему на ногу, чтоб второй не падал на вторую (анти, кстати, христианская ситуация, неподстановка щеки), пользуясь словарём словаря Ожегова. На самом деле, потустороннего мира может и не существовать, однако поэтусторонний мир часто обращается к нам неровностями своего строения, на то он и поэту.

Теперь опять придётся начинать всё сначала.

Василий Бородин: *Рай – свисание с пальм гранатой с выдернутой чекой и пустым запалом (грамотно выражаются только волки) – там же стоят слова, и менясь всем: антропоморфным и ангельским, злым и мёртвым, всё оборачивается системой координат, свёрнутой в жгут лучевых перетёртых*

Даша Суховей: поэтусторонний мир

радуг, встав же, стреляются одиночки, сплостся деньги, тают передвигающиеся в пространстве тени неизбежностей: полдень духа, полное, вставшее солнце познания силы. / Силы как таковой – не живой меж мёртвых, не отворяющей плена, не ждущей рамы, не обладающей и не скорбящей внутри. / Тропы и тропы, сила.

Юрий Цаплин: Время раскрашивать камни / Соревноваться с природой / И проиграть / Стать лежачим / сначала больным / Из-под которого, вот уж где шуточки / А потом / но об этом я тоже писал.

Анна Глазова: как бы он отвязался, / если в полночь вдруг чёрный колодец ума / у него распустился рукой из копыта – / как инжир завязавшись / или небо: тенью внутри.

Тимофей Дунченко: я – вневлимитный завтрашней абонент // и ждала его колыма дождалась малыга / грубо написанная книга / был во пламени а теперь их раменки – тьма / колени вывернул – и запрыгал// и там где подошва касалась – озеро / пальчики ног – холма холма / продавщица кричит хурма хурма / сочная / и никто из нее не знает как рушатся / и складываются в колоду дома.

Виктор Иванів: Бездельных дней забитою чредой / Не отделить стопы от выровненной шеи / Что выбегает с непокрытой головой / Из склепа с номером где умершеи.

Канат Омар: упругим воздухом разбужен и отброшен / на поллотка от толстого стекла / ошеломлённого не то в калошах / тошою не то брусчатка крошится

Вся Россия, вся Украина, Казахстан, весь мир. Получается, кроме формального сродства, тематическое единство, но, так уж написалось срединство, ненафиг искажаются слова. Сломая хребты, как блели футуристы, и фонтанируя, что лобом в леденец, одним и тем же словом сломлен истин, и с синтаксиса сдвигом балодец.

Осталась поэмка Гали-Даны Зингер, очень коллажная, публиковавшаяся в книге, изданной автором под именем Адель Килька в 1993 году в Израиле. Странно, но при первом чтении поэмы по книжке лет несколько назад мне казалось, что некоторые вещи от автора, а некоторые – элементы дизайна. Однако, интернет обнажает, и тут придётся сохранить десигн:

Знаток русского языка Л. В. Щерба говорил, что лингвист должен быть особенно внимателен к трудным случаям речевых употреблений; в кузнице «ошибок» и мнимых «неправильностей» создается язык завтрашнего дня.

Л.К.Груздина. Беседы о русской грамматике. Знание, М., 1983. Народный университет. Ф-т литературы и искусства.

Дарья Суховей,
Санкт-Петербург, Россия
5-27 июля 2007

Шамшад Абдуллаев

ЛЕТНЯЯ ТЯЖЕСТЬ

Поезд медленно взбирается на холм, медленно,
 Заставляя думать об этом, и неизвестно,
 Что более медлительно, сама эта медлительность или же
 Мысль о ней. Страшные, сухие колеса мучительно давят
 На маслянистые рельсы, словно поезд стоит на месте,
 А вершина холма, поддавшись его инертности, спускается,
 Подползает к нему, раздвигаясь вширь; и виды пейзажа
 В окнах вагонов однолико повторяют друг друга –
 Точно фальшивые картинки, грубо приклеенные
 К вращающемуся барабану, который к тому же
 Вращается с большей, удвоенной, медлительностью,
 Чем он может. В удушливом купе глохнут голоса мужчин
 (пассажиры), и воздух тяжелеет, как расхлябанная дверь.
 Только щелочка в открытых мужских губах не задета
 Крупинками пота, только она противится постыдной
 Слабости.

Лица под летней пыткой – когда-то упрямые и уверенные,
 Теперь невнятные и влажные – ничего не выражают
 Или выражают некую подлинность, которую
 Черты лица доносят неправильно. Мужская рука
 Тянется к стакану, чьи стенки накалены
 От темно-красного чая, и вдруг замирает
 Невесомо над ним, точно
 В стоп-кадре, но волокнистый пар клубится сквозь прорези
 Недвижных пальцев. И пепельная занавеска, утратив
 Естественный цвет, горит целиком от пышного солнца,
 Слепляющего холмы. Вдоль этих холмов
 Теснится скрюченная зноем растительность:
 Белесоватая поросль, уже узловатая, кое-где выжженная,
 Измученная вялостью, но совсем не той, что
 Зовется вялостью,
 Лишенная достоинств, кроме этой недостойной
 Зримости. И все же
 Она клубится, похожая на пар, который вздымается рядом
 С протянутой рукой, – струится вверх, чтобы
 Казалось, будто
 Рука оседает и падает мимо еще не остывшего стакана.

СТАРЫЙ ДОМ НА ОКРАИНЕ ГОРОДА

На круглом бревенчатом столе, как после бури,
 валяются рыбьи кости, крошево печенья,
 пять или шесть крохотных перышек разных цветов
 (откуда они здесь?), сигаретные окурки и, наконец, –

под стать трупикам мурашей – засохшие чайники,
среди которых, кстати, пробираются настоящие муравьи. Вскоре
на эту мусорную Аркадию накинута тараканы, осы, крысы, плесень и затхлость.
Потом скажут: здесь пахнет не утратой, а гнилью.
И ничто тут не поможет:
ни шум речных волн (в ста метрах отсюда), ни живительный летний свет –
он еще струится сейчас сквозь оконную прорезь,
забранную решетчатыми деревяшками. И все же,
хотя ветер стих и наступил покой,
этот буколический остаток чьей-то последней трапезы
не исчезнет вдруг, с ходу от взмаха руки или просто крика, словно
комочки воробьев, отдыхающих парочками и стайками
на проводах или на козырьках шиферных крыш под солнцем.
Иначе все оказалось бы ложным – и не только то,
что мы видим. Согласитесь, нужно время, чтобы все исполнить;
и насекомые, грызуны, гниение и вонь сожрут
что могут и завершат крушение,
как им прикажет логика происходящего. Собственно,
для этого они и посланы, эти твари –
«твари», даже если их нет.
В общем, здесь что-то такое, чего не в силах уловить наш
ум.
Так что, повторяю, нужно время. Но дом,
пусть даже брошенный недавно, час назад, –
уже вещественность другого времени, куда нам путь заказан,
если хорошенько подумать. Да,
мы почти слышим этот зловонный, звериный запах гнили,
такой ощутимый и такой пронзительный,
что он кажется одним из видов равнинного пейзажа,
где мы стоим, пока
над нами вьется комарье и время от времени льдисто
впивается в наши лица, в кожу... Так вот:
о коже. Минувшим летом
мы загорали здесь, неподалеку. Помнится,
к нам подошел мужчина, он прикурил, затем
представился – он итальянец, инженер
(вон там, за россыпью жилищ, его завод,
дымятся трубы), был приглашен и прочее.
Немного позже, – прежде чем уйти – он посмотрел
куда-то мимо нас, на куст или безлюдную лачугу,
тем же взглядом, каким бы, вероятно,
разглядывал Аппиеву дорогу или скамейки на улицах Турина.
А ты вдруг вспомнил Леопарди:
«И безутешной смерть приходит к юным;
И участь тяжела надежды той,
Что гаснет под землею».
Мы засмеялись. Все – как-то странно – совпало, сошлось,
хотя: что может быть общего
между слезливой трагичностью романтика
и этой прозаической неизбежностью,
что мнет, корежит, гнетет и превращает в пыль
старый, опустевший дом?

КЛЕЙСТ

Совершенство сказал он
это статично
и переминаясь с лощеного сапога на сапог
стал нетерпеливо жить
одну секунду
Тем временем желчная пуля
распахнула висок
безукоризненно круглой головы
мальчишки и патриота
21 ноября Смилуйся над ним

ПУТЬ

Когда мы подъехали к станции,
между нами и будкой стрелочника
ворвался неотвратимый в таких случаях гудок,
гудок поезда
(хищный визг, грохот или саднящий слух перестук колес) –
сожрать себя и нашу тоску в придачу;
но уже поднят шлагбаум, и откуда-то опускается,
как темная и пышная птица, умиротворенность, которой
не хватает лишь молитвенной интонации, чтобы стать
тишиной. И так, вперед или назад? Двое
небритых сельских мужчин
в замасленных брюках и почему-то новеньких шляпах
ведут хромого ослика мимо дорожного указателя,
похожие скорее на миссионеров, утративших
христианскую элегантность среди людоедов,
чем на угрюмых крестьян, по привычке
или как бы случайно пускающих в ход родовую
анонимность в сутолоке городов, - вперед.
Автомобиль наш
мчится, одуроченный необозримостью земли:
«Там листья в снегу и зимняя свежесть», – воркует мотор.
Ну и пусть. Запасные пути, автостоянки, водокачки,
цистерны –
мешкают над луговиной окрестной,
разоренной дряхлеющим трактором. Мы устремляем
бессмысленный, распыленный взгляд на дорогу, ухитряясь
не видеть ее, - может быть, именно так
она сама глядит на себя и вот-вот окажется невесомой,
как невидимый и чистый полет бесконечности,
которую мы тоже втянули в нашу игру:
там что-то есть, там нет ничего. Выбор
всегда за тобой.

ЗАБЫТАЯ МЕСТНОСТЬ

Все живое, если приходит сюда,
то лишь ненадолго – добавит тень
к другим теням и тотчас унесет ее. Сегодня
такой тяжелый ветер, что передвинул слякоть
от пустыря к мосту гнилому.
Гранит безмолвен. И собака
похожа на безмолвие. Она
увернулась от невинной пошлости воя,
и нервный толчок под шерстью и в лапах –
это слепок с прерывистого лая.
Перепопчатый взгляд собаки вот-вот разорвется
от погони за мутно-зеленой птицей –
уклончивый плюмаж в осеннем воздухе.
Мужчины, вопреки увещаниям женщин,
порой появляются тут, и тогда их раздумья
идут в ином порядке – точнее, в беспорядке.
Их можно понять: ветер, пустырь,
приторная близость неведомых растений,
дома, перешагнувшие навязчивый слом, и нечто еще –
коварная скромность прошедших дней.
Год умирает, и ландшафт бледнеет по частям.
Эти части стихии предоставлены друг другу – даже
наиболее доступные взору не стоят на виду,
но лежат на поверхности. Легко
заметить верхушку единственной мирты,
не тронув ее, и, напротив,
легко не заметить кусочек брезента
и коснуться его. Уловить
что-то одно, бесконечно родное, восприятие бессильно.
Остаток пейзажа – масштабность, в нее
уходят мужчины, уезжают домой
по тряской дороге в пыльном автобусе.
Страх покидает мужчин, и дрожь в них другая,
чем та, что колеблет машину и холодные стекла.

ЗОВ

Золотой вечер вне города.
У зернисто-пыльной колеи бесцветная поляна,
обглоданная кое-где ступнями мнимых бродяг,
лежит под ногами двоих. Они стоят
неподалеку от озера, как если бы озеро
могло лишь там находиться,
немного поодаль от них,
словно первый огромный предмет за пределами
их существа; он и она
стоят, почти обнявшись и все же
не касаясь друг друга так долго,
что эта длительность и есть
одно-единственное прикосновение. Их руки
проворно взмывают,
вращаются, вертятся. Пальцами

они что-то нервно цепляют, но это
все те же пальцы. Потом волнует нечто иное
(теперь уж едва ли покажется, что рукам
не хватает свежего воздуха):
мечутся руки в пространстве,
точно тебя пытаюсь найти и связать
с этой реальностью, ищут тебя,
в то время как ты
проходишь мимо по травянистому берегу
с лицом – будто краденым и чужим оттого,
что оно в воде отражается...
Любовная пара: немые.

НИТЬ

Нам выходить. Да, да, остановите. Ничто
не изменилось тут. Машина
выруливает у тощего амбара,
отдаляется. Ничто; все та же
глубинка, хоть проживи еще пятнадцать, тридцать лет
(«ее» мы призваны прожить, а не постичь?), все та же
глушь и желтая глухая плоскость,
какую, собственно, и жаждет
наш летний взор. Машина
уже уменьшилась, ползет, как насекомое, которое, однако,
пляшет в воздухе, не понимая происходящего, –
так надо. О Сущем я боюсь
подумать, но его
благодарю за то, что этот крохотный летун
мелькает рядом с нами. Распухшие деревья, джунгли
колючек и кишки вьюнков под солнцем; по краям канавы
пестрые цветы молчат (нет запаха) – сейчас
не оторвать их пестроту от их молчанья,
как спарившихся мух. И целую секунду шершень заморожено висит,
но вдруг, себя почуяв где-то в нас, немедля тает, улетаает вместе
с единственной секундой, словно время
ему приманкой служит, чтоб ловить
«заблудших», вроде нас. И мошки,
не приставая к нам, к воде, к растениям, танцуют
витиеватыми кругами, быть может, ослепленные
бессмысленностью этого кружения – она, похоже,
ими управляет. Мы смотрим на пустой сарай, корявый остов
чего-то прежде милого, – он тоже оголенный,
как водомерки, головастики и птицы, весь на виду, лишенный
интимности; и только солнце лижет твердость
его масонской уцелевшей рамы. Итак, мы смотрим.

СУББОТА. ЗИМА

Холодок почерневшей земли, чередование улиц, высокая насыпь
с предупредительным скатом. Думать о прошлом –

не воскрешать старые чувства, а по-новому
чувствовать. То,
что происходит сейчас (заразительный спор двух друзей
вдоль дороги), уже имело развязку
с чужой предысторией. Говорливые острые волны,
колючие заросли под почтенной штукатуркой, разоренные домики
пропадают за каменистым пригорком. Всякий день
посторонние люди повторяют наш давний поступок
с такой регулярностью, что от него
остается одна окончательность. Однажды
в каком-нибудь скромном и отточенном фильме
промелькнет не лицо,
лишь неподдельное выражение в лице персонажа, которое
для тебя целый мир – ты когда-то
его представлял, движимый страстью, теперь же
видишь осмысленно, и безумия как не бывало.
Ждать оживляющей встряски,
которой не будет. Верить в нее или верить хотя бы
в то, что мы верим в нее – означает дарить
жизненность той среде, которой, в сущности, нет.
Узел улиц. Мальчики парами на велосипедах –
одинаковые лица, но с некой общей устремленностью,
делающей каждого из них исключительным.

ПЛОЩАДЬ

Филиппу Айхингеру

Они пересекли ее, черно-белые двойники,
хотя мы видим озерный огарок водоплавающих птиц.
Еще там теплится перочинный нож под церковным колоколом в час дня
и втихаря хрустят могольские миниатюры в его руке
между изваянием их перефокусированного агнца и сянкнущей альпийской сенью.
Что-то вносит разлад, но высушенные в ином месте
виноградные листья вблизи сброшены на пол отвесным ветром с тахты.
Все же родинка даже в трех земляных шагах отсюда
на смуглом горле темна, как муха, попавшая в мед, –
ослепительный завтрак с друзьями в летних нарядах. Крайний случай?
Между тем невзрачные столпники всех ваших лент
преклоняют колени в отсвечивающей толпе на Понте-Веккио
и в двойной экспозиции тоже преклоняют колени. Каждый статист,
как редиф, итожит постные кадры,
слишком сжатый, чтоб испытать редкий иссоп,
словно предместью развяжет язык твой уход,
словно готовится план-эпизод в каком-нибудь селевкидском подворье,
говорит он, и слушает все ту же литию
(изжеванный им сырой свиток: лицо),
стяжавшую вас в аккуратной пантисократии.

ПРИПОМИНАЮЩЕЕСЯ МЕСТО

Рабочий класс идет в рай* – после просмотра черно-белой ленты (целлулоидное вещество,
когда режиссер мертв, больше вбирает, чем отдает) в летнем театре, примерно через двад-

цать-двадцать пять минут, он уже стоял перед фасадным полотном бирюзового жилья. Одна фраза («я была...» – дальше неважно). Она произнесла одну фразу, но он смотрел мимо нее или просто не хотел замечать ее голоса. К тому же она улыбалась за оконной занавеской в тектонических фиалах одолженных лучей, прекративших недавно жужжать в киноаппаратной, – казалось, эта смуглая женщина флиртowała с его правым виском и скулой сквозь истонченный жарой тканый фильтр, и он рядом с нею боялся дышать, будто она была собрана из мельтешения пылинок. Через распахнутое окно в большой комнате большого одноэтажного дома был виден полированный стол, на котором июльские муравьи цвета свежего дегтя облепили мертвую пчелу, как военные механики в коричневых комбинезонах, торопливо демонтирующие вдалеке старый бомбардировщик, безропотно и дебильно лежащую на брюхе агонизирующую опасность, и под выбеленным потолком в косом отрезке солнечной полосы вращались воздушные хлопья, колеблемые в плавном кружении весом своей невесомости. Туда она поплыла спиной, вглубь помещения, как девушка в Грузинской хронике 19 века**, поплыла спиной в прямоугольном зиянии к холодку настенного ковра, вечная сестра лучшего друга, крымская татарка, от которой веяло балканской терпкостью, – это был свет, какой исходил от мимолетной депрессии в семидесятые годы, и ровный уличный сквозняк цедил за мужскими плечами сквозь плоский квартал снежный пик, служивший призрачной гермой, единственной границей дуговидной долины. Правда, иной раз вблизи дул ветер всегда вспять, усиливая уверенность внимательного наблюдателя в том, что здесь окрестность скапливается в тупик, образующий Фулу, край земли, но последней исчезла в комнатной полумгле ее, действительно бледно-марморная, рука, мелькнув в дверном проеме на заднем плане, как рыбий хвост в озерной тьме средь бела дня, а тут, в годовом муаре тротуарных колец, the alley cat dies of a migraine***.

Фергана 2005 г.

*Фильм Элио Пьетри.

**Фильм Александра Рехвиашвили.

***Из Эзры Паунда.

Александр Скидан

БЛОКОВСКИЕ МОТИВЫ

юность это возмездье
 молодость это звезда
 бессмыслицы это плотью
 облекшееся nevermore

старость это старуха
 глядит на тебя в упор
 в оборочках и прорехах
 полыхает позор

воровская стезя поэта
 год за два мон амур
 наколотый на предплечье
 неродной триколор

а еще есть отчизна углич
 режет коньками лед
 и поет что твой галич
 и трубят егеря

о если б знали дети вы
 холод и мрак отца своего
 порядковый номер на рукаве
 матери не

а теперь библиотеку возьми
 книги все и любовь
 все будет так как ты хотел
 никто не вернется назад

о если бы знали или не знал
 как пряжка темна темна
 как вода как вода без тебя
 всегда всегда

пламень и лед и лед
 высоко высоко
 зачем горло поет
 гоэрло гоэрло

все будет так как ты хотел
 но не сказал
 весело ли тебе матрос
 в самом нежном в самом белом саване

поздний лед иногда поет
 улицу и фонарь
 и то что исхода нет

Андрей Поляков

СТИХИ ИЗ КНИГИ «КИТАЙСКИЙ ДЕСАНТ» (79)

Здесь начинается китайская поэма
 про то, что всё вокруг –
 китайская поэма,
 где читатель не знает,
 чья это как будто работа,
 только есть в этом –
 жёлтое,
 жёлтое что-то,

ведь в Китае, бывает,
 болит от дождя голова,
 и в далёком за чаем
 вечером Китае
 полюбовно болеют,
 играют
 в золотистые ласточек-дочек,
 в дорогие чайнок
 слова.

А ты думал за чаем,
 что нет,
 не играют в слова?
 Уверю тебя,

что, конечно,
 читатель,
 играют! И глазами,
 как дочки и птицы,
 друг другу
 моргают,

и негромко друг другу,
 как тёплые деньги,
 несут –
 в знак сияния будущих
 громких и ангельских труб –
 стихотворные слепки
 для губ.

«Добрый вечер, –
 друг другу в стихах говорят, –
 нам не нужно домой
 на последний трамвай
 торопиться,
 если липа прилипла
 плакучего цвета к стеклу,
 если липнет чайника
 к упавшей на блюде реснице,

если золотом чайная склеена чашка
 навек,

если к мокрому дождю
 хилая ласточка снится,

если вечер сегодня, а завтра –
 четверг:
 добрый вечер, а может, и ветер...»

Говорят
 на китайском своём языке
 (на закрытом в словах сквозняке),
 словно птицы от боли поют
 головы вдалеке
 или мёд растворён в молоке –

на холодном за чаем, но сладком стишке,
 непонятном, как ход муравья
 по руке,

на звенящем китайском тебе языке
 (от печальной Тавриды тебе
 вдалеке),
 словно мёд в ледяном
 молоке.

Ну, а русский –
 понятен язык,
 потому, что от мамы
 послушать ребёнком
 в шелестении розовых гласных
 слишком просто
 привык напрямик.
 Непонятно китайское слово.
 А славянское слово –
 понятно.

И сегодня коснуться
 для мягкости столбиков пальцев
 приятно –

в форме лиственной книги
 или чашки, а может:
 закладки в тетрадке –

и сегодня потрогать занятно,
 то, в чём русские наши слова
 не умеют ждать связного праздника
 горьковато-которых стишков
 (или праздника якобы осени
 в лучшем ласточек месяца возрасте
 очень слабого,

стало быть, августа),
просто ждать не умеют они,
так,
как праздника желтоволосого,
желтоглазого дворника солнышка
(желтоватого солнца луны,
отмыкавшего детские сны)
ожидать
горьковатого праздника
в стороне шелестящих ветвей
(желтоликого позднего узника
тёплой осени августа месяца),
ждать-пождать
шелестящего праздника –
на словах
собираешься
ты.
То есть, ты –
от плывущей листвы,
от двоящихся
сеток дождя
ожидает, как ветка, его,
а слова –
не умеют его:
от листвы и дождя не умеют,
не умеют в тетради ждать праздного
ни приюта,
ни осени августа.
Осень августа.
Синева: желтком,
белым – облако,
жёлтым –
листья тополя,
белым –
дом...
Видишь?
вот почему
молодятся одними стихами
водянистые
ласковых
где-нибудь дочек
и желтеющих строчек
слова,
значит, вот почему
молодые стихами слова
для тебя: в голове –
голова,
где слова –
дорогая дождями,
непослушная Богу всегда
молодая пастушка-вода:
она, конечно, дура, но у неё хорошая фигура

(в двойном течении
ленивицы-реки,
подсвеченном то облаком,
то рощей),
а стишки для тебя:
ерунда в голове,
а затем –
господа,
господа!

И поэтому всё
для тебя это как бы волнует,
словно скачут монголы
пыльным домом дымящих,
драгоценных степями копыт
на огромном, как ханское знамя,
постаревшем стихами
не от нашего Бога востоке.
И поэтому всё
для тебя это всё удивляет,
удивляет. Волнует.
Тревожит. Пугает.
Тебя. И вообще,
вот они –

СТИХИ,

которые качаются в словах,
на рисовых ресницах
сходят в сон,
тают у тебя на плечах,
путаются в бороде,
часто капают плавные
с кончиков пальцев... А ты,
вместо того чтобы рассердиться
и в словах,
как в холодной шипучей воде,
замолчать
(как в воздушной воде-газировке
христиански античная рыба),

хочешь выбрать
не все и немного
не из самых счастливых,
не из самых прозрачных
стишков,
и надуть, как воздушные шарики,
эти слабо, неясно и нежно –
нет, не волны уже,
а стишки!

хочешь правильно выбрать губами
(и своими губами, и дочек:
не ногами –
всего лишь губами,
потемневших в болезнях простуд

из-за лёгкой короткой одежды),
хочешь выбрать любыми губами
ты размытого типа стишки,
их наполнить дыханьем
тепла своего головы
и надуть, как воздушные шарики,
чтоб ступнями пойти в темноте
до угла наугад прогуляться,

как ребёнком из дома гулял
(а позднее – стишки сочинял),

по вечерней и маленькой улице,
пересыпанной листьями
жёлтыми, красными,

иногда –
шоколадными,

а то и почти –
зелёными

переложенной листьями улице:

ты по ней, ты один
со стишками,
ты, как ветка,

шумишь в темноту.

Это ты в основной темноте,
вместо того
чтобы убийцей разозлиться
и своими словами
в стихах,

как в дырявой шипучей воде,
перекошенным ртом замолчать,
как в дождя жестяной газировке,
как в полупоночном холодом севера
серебристо блестящей воде,

похожей на плоское лезвие
серьёзного для сердца
и финского ножа –

когда устройство,
колющее в сердце,
не объяснимо ни газетой,
ни мольбой –

рассердиться и замолчать
в стишках,
придуманных

для точного молчанья,
как выдуманно сердце
для точного удара,

как вода придумана для волны,
а рыба –

для христианства,

так вот же, вместо этого, пустого

(на влажную листву похожий
не рукой)

ты хочешь выбрать ряд соединений
по смыслу смутных слов посредством ритма
из числа сыроватых,
размытых стишков,

из вытесненной части
некоторого количества
твоих собственных
не самых сильных созданий,
из белых и больничных облаков,

из кожи, из царапинки,
из крови,

неплотный ряд плохих соединений
водянистого качества цвета,
и надуть их,
как воздушные шарики,

эти больные, невольные, мягкие
(уязвимые кожей своей)
в кошачьих царапинах, в ссадинах и
в комариных расчёсах укусов,
эти легчайшие тела-инструменты
для разумения слов

и для нежности к каждому слову,
дабы наполнить их
как бы клубами дыма,
во сне мерцающего на весу,

для того,
чтоб хватило свободы
ненадолгого времени сна
по миллиметрам проходить этот вечер
с помощью внутреннего дыхания,
в котором тепло –

твой председатель Мао,
твой генеральный секретарь Леонид,
твой драгоценный учитель Кун,

чтоб голова болела, как живот,
чтоб дыханьем, от боли недлинным,

чтобы собственной силы
приоткрытым губами дыханьем
(словно дует Чет Бэйкер
в плакучую мёдом трубу,
протирая протяжной балладой,
как фланелевой тряпочкой света,
то – витрины ночных европейских,
опустевших во сне про войну
от весёлых, красиво одетых,
танцевальных людей
городов,

то – хрустальных изделий любых
на земле дорожную посуду),

словно дождь
шелестит многословно,
скучно, не скучно –
говорит по листве,
словно эти стихи
шелестят,
водянистые эти стихи,
словно капли дождя,
словно ветер
в намокшей
листве,

чтоб пойти погулять китайчком,
чтоб увидеть глазами
(двумя)
золото павших
и тёплое олово спящих –
на расстоянье травы,
в темноте шелестящей
листвы,

чтоб пойти погулять
китайчком с живым языком –
умных птиц
золотым дураком –
ты надуешь стишки, словно шарики,
после самого чайного праздника,
словно сонный и важный,
гуляет ребёнок
в позабытом своём букваре,
где по-русски
кричат одноклассники
здесь, на улице
и во дворе.

Эй! любимый язык
не умрёт –
замурлыкает
кошка-язык!

кошконавты в мохнатых скафандрах
перекрестят хвостами
стихи!

Слушай:
русский язык не умрёт:
будет всё хорошо
в жёлтом шорохе
мёртвой
листвы!
Желтоватая бледность
листвы
прошумит по углам
букварями!

К пересыпанной листьями

улице
наклониться
попробуешь ты
в мягкой гибкости
брата-кота,
со стишками пойти
по больному пути –
но стихков без тебя
не найти
(не стерпеть на голодных губах
водяной волапюк Полякова),
влажных слов всё равно не увидеть
из дождливой сырой темноты,
где ты
один
идёшь по улице,
словно –
не ты,

словно вбок шелестящая тень
веток дерева,
ног человека
скользит по улице твоей,
дрожит, как будто бы
своим летает горлом
в стеклянной сфере –
мёртвый соловей,

а тень по улице –
копиркою измятой –
слетает в сторону,
как мёртвый соловей,
луной приподнята
над листьями асфальта
на сотню миллиметров городских,
когда желтящий лист –
милее человека,
а пальцам нет стекла –
моложе, чем вода,

деревья молодит
длинноволосый дождь
и ветви объявляются ручьями,
и снова снов твоих подклеенная лента
просвечивает дымом и дождём,
и вновь опять,
любимая как в детстве, костяная
голова

моргает над размокшими
нетвёрдыми плечами,
и ветви –
повторяю –
притворяются
ручьями,

а ты идёшь

рядом с деревьями,
где птицелетающий воздух
красив, как читающий лев,
где глиняной листвы
потрескавшийся круг
и соловья кочующая пропасть,
где Тополь-Симферополь до утра
покачивает улицы и люди,
где Чаадаев –
в сердце бесноват,
а Лао-цзы –
прекрасен
и не будем!

где возможно
от кошек послушать,
то, что скоро
вернётся Христос –
они докажут нам, мяукая, мурлыча
(хвостами до созвездий доставая,
из августа на Марс перебегая),
что мы споём
о Боге по-китайски,
пускай во сне –
но всё-таки –
споём!

а ты идёшь
с золотыми деревьями осени рядом,
где только лишь китайская сосна
безногим с детства горе-инвалидом
на празднике в деревьях
веселий городских –
не знает листьев,
падающих вниз:
её иголки – колки,
но это нам не девичьи заколки,
не закоулки
девичьих волос!

Тогда на взгляд себя,
раскосого от слёз,
ты всё-таки выйдешь, как кошка,
из родителей в старости дома,
от домашнего солнца свечи
прогуляться по берегу
осени августа,
тонким берегом крепкого краешка
в виде месяца августа,
о,

чтобы всякая осени августа
сладковато-древесная тень,
как сестра в полусне наклонилась
(виновато-красивая тень),
половинки платанов тебе принесла

или целые розы
цветов

и напрасно легко согласилась
(сладковатого дыма сестра),
что вот это гуляет ребёнок
знаменитый на всю темноту,
китайчонок стихами,
Андрей,
из теплеющей корочки плоти
и медлительных капелек крови,
между листьев и улиц ветвей
позабывший,
забывший, забывший –
для чего он сюда
приходил?

Николай Звягинцев

ГИПСОВЫЕ ГОЛОВЫ

ДОРИФОР. Досада

Открой окно, возьми, почувствуй.
 Смотри – вот небо на веревке,
 Смотри – художник на веревке,
 Но скоро кончится веревка,
 Тогда кого мы позовем,
 Отчистим, вызволим, отмоем
 От крови, семени и воска,
 Оставим только запах пепла.
 Налево будет виа Корсо,
 Направо – виа Бабуино.
 Бывает в жизни мало соли,
 А наши призрачные деньги –
 Они пока ещё не пахнут.
 Давай сожжем наш чудный город.
 Они что люди и актеры
 Узнают только на пожаре.

АПОКСИОМЕН. Неуверенность

Мы с тобой в церкви Святого Николая,
 В ее алтарной части твоя голова.
 А тело, что заковано в масляные латы,
 В мелкий песок и некрупные слова,

Находится поодаль, но даже очень близко,
 Каких-то метров двести до входа в Сандуны.
 Там любой прохожий, ищущий прописку,
 С улицы найдет и ширины, и глубины.

Здесь же, как в багажнике, место для запаски
 На углу Рождественки без голоса и дна.
 В городе Москве особенно опасна
 При грехопадении эта сторона.

Только твой соперник – никогда не будет
 Он тебя расспрашивать, по крайней мере вслух,
 Все ли, когда падают, радостные люди,
 Как парашютисты или Вини-Пух.

И – поехали:

Остання неможлива спілка,
 Непарный стираный носок.
 А в голове моей опилки,
 А в голове моей песок.

АФРОДИТА. Предчувствие

В городе между мужчинами, женщинами и домами,
Где-то среди романа, когда мы уже легли,
Я вспомнил про ассигнацию в сотню немецких марок,
Которую я обменивал на ельцинские рубли.

На денежке Клара Шуман с породистыми глазами.
Купюра делает линии, как делает арбалет.
Если вертеть бумажку, куда они исчезают?
Такая милая дама, ей запросто двадцать лет.

Серый учебный гипс содержит светлые сколы.
Лето может вернуться, длиться ночь напролет.
На личном досмотре в Шарике бывало и не такое –
Разделся с чужой подружкой и голыми в самолет.

ЦЕЗАРЬ. Одиночество

Когда его хоронили, я девушку провожал.
И всё было оцеплено от Кузнецкого до Площади Революции.
Мы шли вдоль цепочки солдат внутренних войск
И я чувствовал, что все они сильно возбуждены.
А она говорит: «Я – это лучшее, что они видели за сегодняшний день».
И ещё: «Почему такие грязные стекла в нашей прекрасной стране?
Я видела фотку – там убийца Кеннеди с женой Мариной, такая минская девочка.
Как известно, Минск, сильно разрушенный во время войны,
Спроектировал и отстроил один московский еврей, забыла его фамилию».
Я знал, что архитектора звали Лангман, он много чего построил.
Из-под рук его и других империя расползлась
В чьи-то пустые глазницы, в старые песни о главном.
Я знаю, на Украине есть Оранжевая Королева,
А ещё я когда-то читал про Зелёного Короля.

ДИАДУМЕН. Ревность

У ощущения есть остаток,
Когда их много, а нам нельзя.
Смотри, по полю проходит sator,
Кидают зерна твои друзья.

Они сегодня подледным ловом
Впервые в жизни увлечены,
А ты стоишь на опушке слова,
Не замечая всех остальных,

Ни минус бабки, аржан, пенёндзы,
Ни плюс вина, коньяка, травы,
Ни рук и бедер текущей бронзы,
Ни даже гипсовой головы.

АНТИНОЙ. Красота

500 лейтенантов сидят за забором, на всё, что увидят, кладут с прибором.
14 жен, 308 подружек, 100 коробков и 1000 кружек.
2000 звезд и 500 лысин, 145 неотправленных писем,
Отправлены 300, где-то висят. Пошли на подтирку 150.
41 заболел желтухой, 1 потерял присутствие духа,
2 пропали – пьяная ссора, в Афган полетело 440.
Красота спасает, стоит позвать. Следующим утром там же опять

500 лейтенантов сидят за забором, учат уставы, молча и хором.
500 молодых и красивых лиц, 500 хуёв и 1000 яиц.
120 Наташ и 43 Вали, в которых эти хуи побывали,
70 Оль, 53 Светы, по 3 Сабины, Инги, Иветты.
Из 105 осчастливленных Кать верны своим мальчикам 75.
5 лейтенантов – под трибунал, 1 убежал, но патруль догнал,
В Афган – 475. Следующим утром там же опять

500 лейтенантов сидят за забором, 200 знакомых между собою.
125 московских квартир, 2100 кого навестить,
204 места в общежитии, 600 колёс на педальной тяге.
400 в детстве не пили брома, страх у каждого 22-го,
Ровно 500 молодых историй про грудь от 1-го до 6-го.
470 пива хотят. Из них в Афган сегодня летят
3 борта по 145. Следующим утром там же опять

500 лейтенантов.
Сидят за забором.

КУРЧАТОВ. Уверенность

Спасибо,
Лаврентий
Павлович.

Канат Омар

плести словеса карамели
 угадывать зеро
 опрокидывать свежеструганные скамейки
 на аллее в парке у моря
 у того самого
 с дворцами по пояс
 где уже не услышишь шуршанья извёстки
 всё в прорехах
 как воздух дырявого сада
 гербарий беззвучный
 невесомый как утро
 стоящая в горле
 вода

как озеро себя перемогая
 в самом себе отыскивая точку
 в гнилом мозгу рождая самарканд
 а насморком накрыт как одеялом
 и отовсюду слышатся цимбалы
 и цокают цикады во саду ли
 давай воротимся назад

пойдём гулять по пепелищу
 расплющив нос о колбу воздуха
 нащупывая портсигар

раздумывая отчего же
 не улыбаются прохожие
 орут искрящие ручки
 подтачивая стены
 и уши ватой затыкаешь
 а там ещё не тот бетховен
 ещё не те ещё сверкает

в зимних сумерках

как звонкий оттенок смерти
 как тусклое облако сна
 с боем часов сверьтесь
война

с маревом стылых стонов
 у замерзающих рек
 в городе

бормоча о котором

снег

обрывок сверкающей
 там
 в журчащих пещерах
 где
 губ не вытянуть век не разжать
 гор
 влажные своды мерцают
 и
 утро школьницей в драных чулках
 хрип
 в журчащих пещерах
 всхлип
 в озере отражаясь и слушая

быстрее выстрела
 острее ойстраха
 нелепей олова
 истошный бриг

следы пахучие
 оставив облаку
 скарб скорби волоком
 да в бездну брык

такие подвиги
 смириться мог бы ты
 когда бы глотками
 исторгло рык

да луч зарыт

снова томас де куинси
 орфей умирающий
 арфы

отворилась и скрипнула
шелест за окнами
пусто

пролепетал и рассыпалась
молча и только
рассвет

пролетел словно пепел на веках вздохнув

в колодце ветра блеет карапуз
летает
на чёрном облаке верхом
в ревущем вихре

в зелёном небе навсегда
остаться можно
и падшим вверх вниз головой
стеречь куранты

но не для этого тебя
соткал из сгустка
грызи стекло коль по зубам
глагол без запаха летучий

ярмарочная карусель
с серебряными кольцами канатоходцев
в тонком воздухе
вот-вот надорвётся
отстанет от стенки шуршащий язык
и вот шелестит
о летящих зажмурившихся растерянных
бесповоротно

время журчит по трубам трубы гудят о своём
круговорот природы чайки рвут за окном
вышел ли шишел ли мышел
закатился под шифоньер
испарился химической формулой
куколкой затвердел
сколь ж теперь возиться легчайший хитин
распрямяля

или как тот ракетчик
после взрыва одним глазом видящий небо
над космодромом
другим муравья с соломинкой
в песчаных барханах

второй свисал на красной сопливой ниточке
как батискаф опущенный в маракотову щель
и совсем не болел

всё равно хлопчатобумажной кошкой
не погладит по щеке а если погладит
так оставит одни лохмотья
утирайся потом рукавом
просыпаясь как тот среди ночи
босиком на сырой балкон
бубенцы поправить и леску

крутится вертится над головой
ноздрями по-прежнему нежное чую
рычит и кудахчет мелькает вокруг
шилом в воздухе тычет
гармошка пиликает дети орут
и выйти нельзя на ходу
шипит и потрескивает кольцевая

упругим воздухом разбужен и отброшен
на полглотка от толстого стекла
ошеломлённого не то в калосах
тотошею не то брусчатка крошится
стих сыпется подошва едет вниз
непрошенный
вломился шлопут в строку и вот
не складывается
не вяжет лыка морщится не то
не то ослабившись
по самое горло затянут песками

жёлтая жжётся рука проступают ожоги
на запястьях предплечьях и праздных
лопатках
лопается на зубах твёрдый крыжовник
медленно очень медленно брызги
разжёвывая
лягушачью кожицу с кислинкой прожжённую
до которой девицы поди и лисы падки
посмотри сквозь щель в заборе шевельни
висками
море свирепо сопит и опадает плескаясь

ступает как пепел по залитой солнцем воде
по серой тропе через просеку к лесу
который от шороха дрогнув грохочет кто где
в ужасное утро сырого как смерть
понедельника
худых очертаний халатик сорвёт
и отдельную
соткёшься фигурой вопроса откуда здесь
крейсер

и вслед за хриплым облаком
повисла в головах
от хохота до колик
сверк молний оборвав

гроза над диким городом
замешкав на лету
пронзительнее морока
в котлах каких найду

а шмель не долго думая
прошиб на всех парах
недугами беду мою
дуг нервных чумный шлях

скатывается

тело вытягивается и содрогаясь
звенит
поезд медлительный и уходящий
но длительно
и успеваешь омыть золотую эмаль
истекая из тамбуров синих
и шелухой их срезая ногтей
застыло
зари
сном разбавлена акварель
и капелька ртути блуждая твоих очертаний

там там

холодная песнь замиранья

и скатывается

по следам твоей впалости бледной
слабость это
или просто разбита ртом
сны
из расколотой звоном о сфинкс головы

adverbse

будто внезапные озарили
забылось
едва наизусть мимоходом

бок о бок

но поздно
пронзительно шёпотом отчего
ослепительно

май: ночь: июнь

шатается и брезжит
сад
а утро

слеза слезой

и брезжит
сад шатается а
утро

* * *

блаженно смолкло и летит
смутив
летейскую истому
и стонов
меркло о летит

впросонках

к поверхности зелёного листа
распластанного на зелёной глади
губами потянулась из пруда
к поверхности зелёного лица
распластанного на сырой бумаге
бессмыслицы зелёного пруда
из глубины русалочья семья
из глубины русалочьи подруги
устаи потянулись никогда
к поверхности зелёного пруда
так не произноси сестрёнки и подруги
вся шайка-лейка земноводных
зеленоглазая семья
распластанного не прочитать лица
листа из набухающей бумаги
молчаньем набухающей не влагой
влагалищем разверзшись для кого
влагалищем для музыки разверзшись

Василий Бородин

*таяли льды времён говорил мальчик смотря в воронку
тёплую как жильё*

Встреча Слова и речи.

Смерть

(речь о Слове).

Блеск, блик, вся перемена духа не помещается в зажигалку с бронзоватой царапиной и бензиновым холодком.

Дождь.

Небо – одна из тем.

Слово: протуберанцы и впадины; протуберанцы впадин – норы или же щупальца? Впадины протуберанцев и есть язык.

Ветер – поэзия.

Что до любви:

Нежность, открытость век, вся не влажная и не и'скристая колонна молодости в знамёнах, призывы к Раю.

Рай – свисание с пальм гранатой с выдернутой чекой и пустым запалом (грамотно выражаются только волки) – там же стоят слова, и меняясь всем: антропоморфным и ангельским, злым и мёртвым, всё оборачивается системой координат, свёрнутой в жгут лучевых перетёртых радуг, встав же, стреляются одиночки, слоятся деньги, тают передвигающиеся в пространстве тени незыблемостей: полдень духа, полное, вставшее солнце познания силы.

Силы как таковой – не живой меж мёртвых, не отворяющей плена, не ждущей рамы, не обладающей и не скорбящей внутрь.

Трпы и трóпы, сила.

Вся ветряная, исхлёстанная слезами слава, гонки историй и гончие их проклятий, трассы и пули, пылящие жернова, траурные созвездья, кривые ветры, связанные узлами живых людей – всё перебрасывается в счастливый ветер, вспыхивая обещанием, навсегда свёрнутым в расширяющуюся воронку – вся эскалация счастья, весь ветер – Бог.

это я умер и молёжный стиль
лапа и лапка тают
как обречённый выси гнилой костыль
мама и смерть летают

я бы и таял именем на снегу
холодом у подранка
но воротиться святостью ни гу-гу

Василий Бородин

пуговица проранка
это поём на лезвии виража
утка утók галеты
трапеза холодильник и на вожжах
солнечные скелеты

умирая отуши воду облюй карликовые сосны
влачась пламя
трогается на смыслы и переносный
горит раной
тлясь подожди тлясь и загораясь
склеенные ворота
тушатся промедляя коричный пепел
и ждут работы

вот и она с ними она с ними
дурной полоз
мать голубой синий
у них вóлос

господи храни
всех кого я сейчас подразумева́
падающих как червивые яблоки в яблочную траву
черви – их свет серебряный с золотой сердцевинкой и в сердце две
маленькие пластинки
родина
и рассвет

господи
не прикидывайся
слушающим вон то
то и вот это
это
просто вóлны гонит ничто
радужное и с паузами –
родина наш фрактал
но те о ком я молюсь тебе смотрят такими глазами чтобы ты не упал

и поднимая тросточку
как мефистофель – бровь
каждая их дорога превращает их в их же кровь

Виктор Іванів

ЧЕТЫРЕ МАЙСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

АРТЕМИДА

Весь город предо мной как на ладони
И я прошел по памятным местам
Легко взлететь мне было молодому
Висеть секундою сомнительной мечтам

Как названному дяде Алладина
В четыре стороны бежать теням
Где крыша разъезжается как льдина
Американским оборотеням

И только дернуть за рычаг пожарный
Как спустится в лифте и чинно выйдет к нам
И встанет в строй твоих халдейских армий
И выведет парадный наш Вьетнам

Не человек не столбик света нелюдь
А только бзика лобызаний снедь
Забьется сердца доблесть или пелядь
Ноги Ясона оставляя след

И от гвоздик на стол спирает ладан
Дыхание и свежий смердит навь
Ты кукольным веревочным приладам
Лицо скульптурное ее прибавь

И вынесет на круг до зданья МИДа
И в капсуле машины легковой
В зрачке венерином босая Артемида
Затопчет безуханный цвет-левкой

И в капсуле бесцветной самолета
Проглотит неба-неба спелый дым
И пляшет в пляске пьяного сколота
Не находя ногой земли

КЛАДБИЩЕ

Бездельных дней забитою чредой
Не отделить стопы от выровненной шеи
Что выбегает с непокрытой головой
Из склепа с номером где умершей

Ботинок остроносых неотмыв
Как майские кусты озелениться
Бегут во взгляде и глаза залив
Молитвой забываются в землице

И детских остриженных наголо
На холоду голов и чубчики хоров нет
Воробушков поющих углов
На птичьем кладбище не похоронят

Платком гвоздик под совет юнион
Подводный ток знамен краснознаменных
В кульках газет подсовывает он
Спартаковцев незамененных

Как столбик градусников или черенок
Привитых яблонь пенною погодой
И саркофаг несет сороконог
Есенинских личинок воеводой

ВЛАД

Деревья нам шепчут сквозь сон
О солнечной комнате детской
И в нас говорит восемьсот
И восемьдесят Чаушеску

И хвост выгибал величаво
Певец под шершавую кепкой
И ласково скажет нам чао
И чао снимается пенкой

И помнит румынская церковь
На шее мальчишеской крестик
Но он продается с уценкой
На двадцать или на двести

И мне деревенского лада
Ларцы отомкнет валерьяны
И именем именем Влада
В гробу перекрестится рьяно

И с легкой и легкой улыбкой
Мне светлую голову тронет
И золотом блещущей рыбкой
На дне этой кроны утонет

СНЕГИРИ

Беспосадочный перелет совершает летчик
Переводят часы его на Дальний Восток
Из пеленок черных, черных долгих ночек
Вылезает ножик месяц кровосток

Едешь в одну сторону жилмассив Восточный
А в другую красногрудые Снегири
Между ними досочку положи мосточек
Балансируй на ней не усни смотри

А ведь укачает и в управления центре
Памятника Ленину уже не найти
Только подсветкой подновленные церкви
Раненько детки ужинаете

И ложитесь спать ночью фонари погаснут
Стережет кого-то злая темнота
Неразумным девам неостанет масла
И в анатомичке анатемата

Мария Вирхов

ИЗ КНИГИ «НИКОМЕЯ»

прожгло томление прореху
прошло да не перешло
мы ждем у дна и нам не к спеху
и дно дыряво как яйцо

а над волнами машет ручкой
не нам глумливый капитан
ссылая жизнь трухлявой кучкой
не в наш проплавленный карман

так список вежливых отметь
все жиже пашет мылом сетин
кончать исчерченных поэтин
необходимо побыстрей

прогуляю я тебя
там где тает бирюза
там где зодчих хоровод
провертел небесный вход

полюблю ли за кольцо
за нехожее словцо
за бесплодное рыданье
за попутное лобзанье

чахнет кустик за окном
заливали кипятком

=====

слишком часто берегись
тише дольше уколись
на вретено на мое

оболевшая красавница
лужница и иностранница
я тебя и так беру

бесприданийца

то не жди
у нас будут ефиры
парфиры хрустальный мед

у нас новый год еще впереди
недолет изумителен

всегда попадая просто так
в ништяное свое волокно

я клянусь моей матери птицей
все концом хорошо

саном живых
и мир детей

вы, я вижу, двоитесь, правитель
у меня же - манна и каша
а в каше - сто тысяч зерен
и каждое - небожитель, кажется

на полу пицала каша
уй нещадна доля наша
обезсудьте за дурло
то винцо

а кобылку пятипалую
раз подуйте в ноздрю алую

там птица светит лицом
там ресницы
отмыты до серебра

текуч на быль и прибыль праг

и некуда маринку подевати

день до края не дошел
как в капусте пересел
там живут и роют ход
чревыи те что сердцем род

Бывает же!

Найти Каплуна

Казалось бы, в Ленинграде сделать это не сложно – людей с украинской фамилией Каплун в нашем городе, судя хотя бы по той же телефонной книге, едва ли с десяток наберется.

Но, оказывається, с поиском Каплуна могут возникнуть и определенные затруднения. На-

пример, нелегко придется почтальону, каждый день с «толстой сумкой на ремне» приходящему в дом № 36 по улице Шкапина, если отправители корреспонденции Каплунам забудут написать номер квартиры. Ведь в этом старом доме проживают не связанные родственными узами четыре семьи, носящие малораспространенную у нас фамилию.

С. ЛЫПКО

Тогда они сказали мне: «Только боль противится пустоте. Ты никогда не будешь один».

наконец ее можно не звать
никак
не называть по имени
не подыскивать определения
не говорить вот так раскалывают орех
вот так рубят баранину
вот так толкают дверь и она подается
вот так открывают ее и она открывается
а так вот может быть входят
неуверенность всегда остается
вот рука раздвигается от плеча до запястья
а вот телефонная будка
вот снегоуборочная машина
видишь ночь
а в ней еще несколько
но в ней
вы знаете ее
ничего больше нет
и любой из двенадцати
счет ведущий на пальцах
если длительность еще длится
Вы думаете это не Вы
но не только о Вас
обо мне тоже

Тир о бумажный мой тир у истоков Хидекеля
достаточно взгляда косого в словарь
дабы цель поразить безупречно
а – это мертвое а
аз - это мертвая буква
азу – это мертвая телка а может быть мертвый барашек
таксидермист о любовь о некрофилия нежность
также убиты тобой хотя больше не ищешь ты слов

и целиться больше не хочешь
будет ли жертвенный дым угоден моим небесам
или лишь Авель поймет жаркого пиршества дух
жаркóе жаркóе жаркóе

«Неплохо было бы, – советует инженер технолог питания А.Фридман, –
иметь отдельные кастрюли для мясной и молочной пищи».

- А этот-то помер.
- Да ну?
- От сосисек.
- Отравился?
- Повесился.
- Да-а... от сосисек теперь чего не бывает. Вот в кафе молочном
на Невском тоже на днях такие сосиски продавали... А дамочка
одна тоже еще говорит: «Уберите ваши икскременты!» Так буфетчица
милиционера привела. Акт составили, оскорбление личности, говорят...
Как отравился-то хоть?
- Повесился. Я-то сосисек отхватила. Прихожу, говорю: «Сосисечек
принесла вам.» А этот-то и говорит: «Не могу больше такого слышать.»
Пошел в ванну и повесился. И всегда-то был синий, а теперь...
- Да-а, а сегодня я за колбасой вегетарьянской стояла...

.....

Знарок русского языка Л.В.Щерба говорил, что лингвист должен
быть особенно внимателен к трудным случаям речевых употреблений;
в кузнице «ошибок» и мнимых «неправильностей» создается язык
завтрашнего дня.

Л.К.Груздина. Беседы о русской грамматике. Знание, М., 1983. Народный
университет. Ф-т литературы и искусства.

О легковесная, злая, надуманна ты и надменна,
О безмозглая, молвлена в звонком согласии скал,
О непорочная, сдвоены стон и оскал,
О безупречная в славе двоимой подмены,
Ради тебя не окликнуты все поименно,
Из-за тебя обернулся влюбленный
Фискал.
Мера шумов оперенных но разве того он искал,
Алчностью слуха средь зерен граната плененный?
О безвозвратная, неуязвимы измены,
О безутешная _____ Исмена,
О безраздельная _____ всё равно,
О обреченная _____ ено,
О обретенная _____ ены,
О восхищенная, десятикратное О!

*«Черноглазую красавицу с роскошными локонами, сидевшую во вторник ве-
чером в Валльнеровском театре, в 4 ряду, № кресла 51, и жемчужными слеза-
ми оплакивавшую несчастливицу героини пьесы, страстно просит молодой чело-
век еврейского происхождения сообщить свое имя и адрес; его дела идут очень хорошо».*

Окрестности? Приемная врача
зубного. Девственность и тучность унитаза,
и смертная от вкрадчивости горечь,
и тусклый запах отварной капусты.
Ты так давно тоскуешь по давно забытой
и навсегда ушедшей чистоте клозета.

О мудрые майора Пронина глаза!

Стерильные стада пасутся в коридорах.
Поместятся ли двое на одном стульчаке
иль Геллеспонт вторично имя примет
Геллеспонт.
Заискивай,
так страшно лишь во сне
нам может быть.

О мудрые майора Пронина глаза!

Убитая волною серпантина,
ты можешь даже это позабыть.
Ведь смерть тебе давалась столько раз.
Ведь смерть тебе давалась столько раз.
О да! Совсем напрасно!
О да! Совсем напрасно!

- А знаешь ли, что Мирра...****
- Что Мирра?
- Что Мирра закололась.
- О Боже! А куда глядел Альфьери?
- Ну, у него их было много.

Душа твоя едет в трамвае
В автобусе едешь ты
Душа твоя едет в трамвае
Отстает на полшага
Можешь ли ты сказать
Сказать что-нибудь не сказанное тобою
Душа твоя в трамвае
Добавить что-то забытое
Душа твоя едет в трамвае
Улица
Бесконечность ужас
В автобусе едешь ты
Солнце обваливается в окнах
Душа твоя едет в трамвае
Станция Парк Победы твоя остановка
Отстает на полшага

«Лишь лгуций истиной обмолвится невольно
И сам ее отринет речью уст», –

Так Уриил Акоста возгласил, в устах
Гуцкова погребенный, – «или
Нам незнакома басня о злосчастном
И лживом пастушке, что поднял крик
Напрасный о волках, а может, львах,
Но крик его замкнулся вокруг него.
И лучшего он потерял барана.
Иль знанье это не впитали с млеком?

.....
Иль с каждой ложкой каши не вкушали
Мы это поучение благое?
Так воплем лев и волком вопль стали,
А истина, кося глазами, медлит...»

Ты веришь будто повторение слова
уплотняет образ и яблоко яблоко яблоко
зреет и делается почти таким тяжелым и круглым
каким только возможно быть яблоку хотя удлиненные
яблоки гораздо вкуснее
ты легковерна
ты веришь даже и в то что шкаф и часы
.....
часы и шкаф становятся комнатой
хотя кровать в этом случае неизмеримо надежнее
или хотя бы матрас
с обтянутыми тиком пуговицами
ты падка до лжи
хочешь узнать на что ты надеешься
ты надеешься снова
убить еще с большей легкостью
чем было убито всё что ты любишь
ты самонадеянна и любвеобильна
Вера, Надежда. Любовь и мать их Так

Хотелось бы знать тебе
знать хотелось бы тебе
тебе хотелось бы знать
тебе знать хотелось бы
знать тебе хотелось бы
хотелось бы тебе знать
хотелось бы знать
последствия следствия некоторых поступков
итак
и так далее
со своим ангелом ты расплевалась
говоришь что руки не подашь
а есть ли у ангелов руки
хотелось бы знать
знать бы хотелось
ангел сутулится
ангел картавит

.....
ангел шепелявит
ангел пришепетывает
ангел гундосит
ангел глотает буквы
а есть ли у ангелов буквы
хотелось бы знать
последствия следствия некоторых поступков
со своим ангелом ты расплевалась
бы знать хотелось тебе

На пустыри хотелось бы вернуться
на пустыри вернуться хочешь ты
там ижища с глаголем в удивленьи
наводят впуклые мосты
и это называется бровями
как вероятно сказал бы здесь Шишков – неискусобрачными
но может он имел в виду другой подобный случай
однако пыль была багрянородной
и это всё что знаешь ты о ней
на пустыри хотелось бы вернуться
тебе или мне?

Вот песня злых детей:

Долго ли сучке по кругу
с ржавой жестяной гонять?
Часто ли можно жиденка
буковкой ять напугать?

Вот песня добрых детей:

Долго ли сучке по кругу
с ржавой жестяной гонять?
Часто ли можно жиденка
буковкой ять напугать?

Их подобие на пустырях порфирозлачно
Ибо проклят нежнейшее слово в твоём словаре

Ленинград, 1985 г.

* А Захер-Мазох – уж не из еврейских ли баронов? – прим. А.К.

** Пер. Т. Щепкиной-Куперник. В неопубликованном переводе М.Лозинского «заласканная нежность». – прим. ред.

*** См. Вельтман А. Саломея. – «Он лежит как лысый юноша...»

**** Автор и по сю пору пребывает в необъяснимой уверенности, что Мирра – еврейка. – прим. ред.

Александр Платонов

D-II-2

Разговоры с Данте...

<i>Перестояв, перестаем</i>	<i>говорить за других.</i>
<i>Перистая</i>	<i>подстрекательница гомоургий</i>
<i>Откинув одеяло, смотрит – кого</i>	<i>отдиктовать?</i>
<i>На опознание</i>	<i>– телу не опоздать.</i>

Я себя округлил как слишком точный ответ,
ты шипаст и худ – отпахавший нерест осетр.

...видно мало спишь
вероятно не видя сны
словно пес твой мозг
набирает еще игры
полусгнившие косточки превращенных фонем
– я, когда говорю, – как положено, глух и нем
как сквозняк по вене, сасшА идет по шоссе
и шосает сушку в каждой второй руке

*ты, когда говоришь, – говоришь движением от себя
все слепцы не верят что код недвояк трояк
а не свет или тьму ищут тени с восьми
ищут полипотентность – и что им троя твоя*

Ледоход. Ока. Хребет вертикальных льдин.
я, когда говорю, – на откосе стою один
и кошу под холодный тополь, под старый засранный ствол.
ты на всех поворотах сохраняешь свитер и пол
умножая в сущности ряд беспомощных числ
отправляя в ад полки полевых существ

*Что скупее чем память слепца? Ее кормит из милости мир.
как в суму – засохшие корки реальности – в ритм
он сует. Не смея перегрызть горло игре.
Но живая кровь преображает хлеб.
Воспаленная лимфа проступает как пот
эпоксидной слизью слепляя веки эпох
Выходи на лист, подлый трус,
на мышиный смертельный бой
я валил твой нанайский сумчатый лес по заданию ЦБК
я варил древесину в котле и по выбеленной простыне
тянулась тюремная тайнопись рыбьего молока.*

мне пройти сквозь землю
– раз сплюнуть через плечо
я себя подставил под взрывы грачиных гнезд
твой детский ад развлекает меня ещё
твой младостарческий рай многосоставно пруст.

*вот слепая гусыня – в чертог теней –
через неглубокую лужу – и цепочка гусят за ней
гуси, гуси – домой*

*след в след
Трансмутирует под горой
весть в свет*

Понимаешь, все-же не лепо гудеть за трех
когда лесе сем Ван
увлажняющий свой феншуй
Моего железа не хватает на alignment строф –
прикупи мне память, поменяй мать, выходами нафаршируй!

*Что скупее чем память слепца? Ему не сойти с тропы
Его тропы протоптаны и хиазмы – винты
(или болты?)
с сорванной резьбой
не подходящие ни к одной*

речи.

Первый игрок: пусто-пусто.
Второй игрок: пусто-один.
Первый игрок: один-пусто.
Второй игрок: эта кость уже была, я ее ставил.
Первый игрок: правильно, а теперь я ее ставлю.
Рыба.
Зрители: _____ аплодируют.

Нетерпеливый зритель,
он же третий игрок: **не задерживайся!**
Проиграл – вылезай.

Доктор и Доезжачий. Историческая хроника

Доезжачий:
Неужели вот эта кровавая пасть –
всё, что мне удалось обрести?

Доктор:
монкеурох, монкеурох, монкеурох!

Доезжачий:
Головастики пели в рябщем пруду
уготовясь к борьбе и труду
но на рыбьих костях жизнь воздвигла райком
облизнула его языком

В кабинете инструктора снулый тритон
сепелявит советы обугленным ртом
раз страна – так странна
от Карпат до Курил
как жена сложена
облаченная в гниль
вот мужик с топором
торопит: ну, не бзди!

... и встав на цыпочки дотянется предмет
до выключателя. И гаснет свет.
И шторы падают бесшумно.

Доезжащий:

Неужели вот эта трухлявая десть –
всё, что мне довелось украсть?

С-2-2

Так шприцом из хребта
извлекается разум спинной
Так от суперотца собирается фонд семенной
Погружается в жидкий азот для засева полей
где бушуют сулёк, васирепка и лютиерей
Узнаю тебя Же. По когтям, по зелёным соплям
Видно матричный синтез
как рубчатый ситец упрям
размножая узор
пока тянется краска и ткань
Так и тянет бежать
хотя сказано: встань
и иди. И иду
по полям на предметном стекле
беспристрастный свидетель
как велено, дважды ослеп
Заношу в дневничок: на четвертые сутки пути
я увидел деление смысла, который пыхтел
на двенадцатый день
я увидел как ян залезает на инь
пусть идущий за мною
захватит с собой глутамин
сам не съест, так истратит
подманивая PMNL.
Если верить заметкам –
прошло почти восемь недель
Если верить себе –
жизнь прошла, словно нитка в ушко.
Гладко шла – да не кончилась узелком.
Расползаются швы,
словно вши по холодной руке.
Нелегко далеко путешествовать налегке.

С-2-4

Плач об утерянном проездном билете

Не символ утрат, а – утрата.
Пора перечесть календарь.

Я хотел когда-то
уплотниться в шар.

Но – заусенцы, потёки,
воздушные пузырьки...
Были ко мне жестоки
зародышевые лепестки!
Верил апостол Павел:
Рот не кричит: я – рот!
Много он знал о тканях...
Все наоборот.
Проклятых гаструляций
плодоносный нажим:
имеющий части –
времени подлежит.
За-водятся в порах
личинки часов
их хитиновый шорох
разъедает засов.
Ссылки, маркёры, метки –
Гуляй на свободе!
Раскаленные клейма
остужая в плоти.
В дробной отаре клеток
ни одна – без тавра,
мекающим Беккетом
серого добра.
Вслед – льяся «о как неловка
мужеств твоих пестрота!»
дедифференцировки
раковая простота

Я не критикую
ортогональность эонов:
малого взыскую –
не покупать жетонов.

Андрей Сен-Сеньков

В НУТРО

внутреннее устройство матрешки

она та самая
последняя
маленькая матрешка
не беременная уже никем деревянным

игрушка с постоянными сотрясениями мозга

от частых ударов падений смещений
игрушка покрывается изнутри
разноцветными узорами вогнутых гематом

расколется
умрет
не сможет собрать все кровавые трещинки
до единой

русская дурочка деревяшка

внутреннее устройство ступки фармацевта

*все раздавленное немного вдавленное
все вдавленное немного внутреннее*

аптечная ступка немного тезка
очень советского актера
с лицом секретаря парткома

лекарственные роли
приготовленные в нем
высыпаются с трудом
в ложечку очередного веселого фильма

их держат за ноги за руки
маленькие
неблагодарные
коммунистические болезни

ВИВАЛЬДИ НА МЕРТВОМ ИППОДРОМЕ

сначала времена года не отличаются друг
от друга

а потом наступает зима
чтобы согреться

влезает в распоротый живот мертвой
лошади

между петель кишечника
наступает липкое неледенцовое лето

Ж-КИНО

такеси китано говорит
что экспериментирует
над созданием нового кинооттенка
который получит название
«синий китано»

будет море
будет небо
будет венозное отродье
будет кино
в котором утонет такой русский рассказ –
*«мальчик гнет бабушкины иголки тренируясь
победить когтя бессмертного
иголки только гнутся не ломаются
как капли крови»*

ИУДА-НЕВИДИМКА

вокруг косточки шеи
закручивается воздух
стачивая ее в вопрос
«это правда
что осина качается без ветра?»

РОДЧЕНКО. ЗАПАХ СЕРЫ

...
*мужчина спрыгивает с турника
его руки согнуты*

уже отвернувшись от фотографии
понимаешь
нет не согнуты
отрезаны по локоть
человеческими ножницами вспотевшего
изнутри комсомола

...

пожарная лестница уходит в небо

в осень
в серый животик
где можно руками прощупать плод
который не хочет сюда во второй раз

...

дорожные работы

Землеройной машине, толстой неживой
девочке, говорят: «Ешь землю! Ешь
землю!». Толстых не любят, над ними
жестко смеются. Она зарывается поглубже
похудеть, в подземную гимнастику
испачканного сала.

...

лиля брик что-то кричит

венерическое великолепие
получает право на безостановочное
движение толчками

...

расширенные зрачки пионерки

она мечтает вырасти
и стать зоотехником
не знает что увидит там земноводное
начинающее превращение назад в рыбу
в красный чешуйчатый сладкий галстук
который повязал ей ночью
красивый пионервожатый сережа рыбаков

...

кремль. первомайский парад

красная тибетская церемония
изгнания злых духов
из одноразового мавзолея

ежегодный московский припадок
теряющего сознание единобожия

СТРАНА ПРИЛИВОВ

кажется я понял почему анна горенко
просила «дай твоё лицо потрогать сквозь
отверстия в глазах»:

*в детском доме любое окно размером с
лицо отца*

все они ждут

один из детенышей
единственный
не смотрит в окна

он занят
он выковыривает глаза кукле
*зачем такая красивая глазастая мамка
если папка никогда не придет?*

У КАЖДОГО РЕБЕНКА ИЗ НАС СВОЕ МЕТРО

девочка отрывает лапы
медвежонку
тигрёнку
зайчонку

в розовом вагончике детской жестокости
гаснет свет
еле слышно
«осторожно звери открываются»

Юрий Цаплин

* * *

Речь, как отмечал Анохин,
искусно паразитирующая на дыхании,
мысли убогой сноха.

Воздух, питающий тело.
Тело, пришепётывающее бодрые сил слова:

«А много ль чего
вначале было доброго?»

И много чего
вначале было злого.

И может, даже,

вначале было олово,
капающее на голову
(голова это кость),

но в начале самых недобрых начал

было молчание на каждом вдохе.

ЧЕРНОВИК

1

...и простым разговором...
только где она, простота
улицы, на которой
деточке клеточки коротать

2

всякий живёт за кулисами
пыль теснота неуют
путается с незанятыми актрисами
а если выйти — убыют

3

кто там мечтает на сцене
реплики мягки движенья легки
слушай сквозь мятые стены
нот перелётные косяки

4

или вот телевизор отраден
когда задворками идёшь
бормочущий на веранде
ничуть не хуже, чем дождь

5

мелкая морось его — и прелесть
аплодисменты сгустившейся тьме
и можно дедушкой на приступочку влезть
не плавая снежинок — было бы время...

(влезть бы ему, и успеть бы мне)

УТОPIA (ФОНТАН ИСТОЩЕНИЯ)

школы и службы возле
жить соразмерно положе-
боже куда же всё же
кем и как же ладно хватит уже

детское не замечая
просто от взрослого не отлича-
около где стекал плевков
белые блики стёкол
лето: топот, о, тел,
пыльный оттиск мяча

тля на смородине там
перо на рябине
в плотной бумаге дня
мятый брикет смолы
хлам кабинета
порядок чужой кабины
кляксой тебя-меня
сходны текстуры мглы:

листья, прохладный ил
ничья рука ничьей реки: ручей
трава, где муравей ходил
из муравейника, ничей

* * *

всё другое не дорого
«всё другое не дорого», ого!
всё другое не дорого, ага
а дороги всё другие
«а дороги все другие»?
а дороги другие, и всё тут:
тут дороги другие доро́ги

* * *

Время раскрашивать камни
Соревноваться с природой
И проиграть
Стать лежачим
сначала больным
Из-под которого, вот уж где шуточки
А потом
но об этом я тоже писал
Бремя расспрашивать камни
Белого человека
сердце
Чёрного человека
венозная кровь
Жёлтого человека
печень и жёлчный пузырь
А больше не у кого
Мы или она победим
себя или нас
Расшивать швы
дольмен лабиринт кладка

* * *

о. и б. робылы рядёнка
род — это ряд, где тонко
там и рвётся, и наоборот:
грядка и огород
«ы. кротка, ю. прытка, э. (девчонка)
сразу берёт в оборот
почудит, понудит и затрётся», —
аз и буки глядят из бород
(языками, поскольку рот —
и найди на них окорот!)
ничего, пусть рыбёнок растёт

* * *

там хорошо, где нас нет
когда мы там есть

вот именно

когда́ мы
не называемы

и во тьму (конечно) из тьмы

холм ras umm sid
и другие холмы

* * *

вот он лагается многогато
вот её волосы как стекловата
вижу (сквозь тоже стекло)
то же добро или зло:
сломанные автоматы

вот ваша боль не монеткой в ботинке —
всем навсегда на потёртой картинке
борщ краснобурый с котом
совесть как рыбища ртом
«детка» пропеть расписной каватинки

притче май дарлинг ползи от судьбы
на четвереньках абы и уби-
той ли побудь невозбранно
раз уж порнограф отрадно
за гардеробом провидит гробы

если не часть это части всего
важная, что же тогда ничего?
гири потери досады
три чучелка бодхисатвы
жалко, что не различить своего

* * *

от жары поливают
дворы выбегает вода
всяким мусором мелким по
мусору можно гадать чем
там они и зачем почему
ни при чём и желтеет
трава под краснеющим
кирпичом где ни совести
ни труда только стыд и бог весть

что ещё

* * *

Выходя с работы после 20-ти и едва застав
Солнце, оказываешься в заполярном вахто-
вом посёлке между Тазовской и Обской губой:
там оно ходило по-над горизонтом круглосу-

точно, точно так подсвечивая снизу примерно такие облака, — и вот уже временные заборы коттеджей напоминают стены тамошних на-свайных домов, чахлая поросль — тундру, сам — себя девятилетней или нет давности, похожего устройством и целью на вахтовый посёлок для всяких «мыслей»: эксплуатация недр, пережной. Пытаешься, придя домой и пиша эту фразу, выгуглить точные координаты посёлка; — ничего не выходит, кроме новости, что в посёлке сдан первый капитальный дом, но тебе это не светит: лето коротко последние деньки, облака протяжённы как пахота или болота мысли кратки но течение их протяжно — и речение — до кого-то и от кого-то быть собой будь никем

не важно

* * *

человек вокруг себя
как предмет вокруг значенья
сам субъект и приключенье
ходит, хлястик теребя

вот привязана коза
на краю большого луга
без подружки и без друга
у неё своя стезя

тень от колышка, смотри
на дорогу и на север
козий сыр как вкусный клевер
продолжается внутри

заходи в последний хлев
преломи пакет соломы
где предмет в значеньи (дома)
умирает, околев

ночь из солнышка, смотри!
всё случается не вдруг
тень от колышка вокруг
свет у колышка внутри

* * *

мотылёк-мотылёк, раскрой
крылышки клетки
чтобы (рука сквозь ветки)
он, создатель, сердце своё извлёк

бытие или бытиё?
сизо-красное, ну же
там теплей, а нужней — снаружи
и подзавёл твоё

Ника Скандиака

I.

1. рассеянные фрагменты прямого опыта/»рассеяние сухого опыта»

{версия а}

.

[заморозок, кричащий в ночи]

[осенью бульвары похожи на 2870]

я начал говорить, лишь когда зачерствели крылья?

.

жар
сухой ветер

.

{версия b}

.

присутствие невытянутой птицы

но голос птицы, вытянутый в пространстве

убитый зверек принял форму трагедии; бог сотворил его невозможным (недоступным вопросу)

заполнили пространство
спицами (мокрыми?) голосами птиц

.

жемчужина самых маленьких квадратов

к болезненному можно приблизиться, лишь услышав его (поправив?)

.

жемчужина самых маленьких квадратов

пульс [любой] личности

.

{версия с}

.

пошевелиться некем/ пошевелись конем

.

рука/ принадлежит

это и было - для него - рукой

,

[композиция] [но] целое уже чужому

,

[поцелуй-чечевик человек!] ему не чуждо ничто чужое

2. сборка рассеянных вместе/»сборка ветров»

{версия а}

недостаточно перво знаю]

.

жар
сухой ветер

.

и волосах, ослепленных

.

я начал говорить, лишь когда зачерствели крылья?

.

дерево - лев

терпеливые порывы
терпеливые львы

.

{версия b}

.

присутствие невытянутой птицы

но голос птицы, вытянутый в пространстве

заполнили пространство

.
и птица, развернутая относительно полета, не пролетает; ее пронсит в сторону присутствия от цели,

.
т.е., например, «хельге» (тельце?) - протягивает и предлагает

.
{версия с}

.
[композиция] [но] целое уже чужому

попробуем так: [начать: фрагментарный конкретный опыт; к концу один фрагмент расширяется, а начальная сумма собирается вместе(первая часть); вставлять инструкции, переводы по мере выполнения]

[разные фигуры прочтения: 1: похоже/ассоциативно близко; 2: похоже или с легкостью составляет вместе образ; 3а: насильственное сопряжение; 3б. ditto - в другом месте сделать, чтобы то, что в одном месте мета-, было в другом месте объектом; делать это постепенно] - второй частью?

во внутреннем диалоге: сформировать переносящего опыт [«все, что вы скажете, будет использовано как вы»]

.
«узнала» («одну») [синичку] (поймала в синтетику/ неистребимых [чувств])
(«идентичность»/«нитки»)

узнала ее (хрупкую сотрудницу, [птицу]): на доступном уровне наградила индивидуацией, удрученным в руке подбородком, ... невиданным ([пространством/]широко/распахнутыми глазами);

не узнала (чьи перья, дух); узнала/ ([как] птицу) перелетающий опыт

узнала не отличая
и обращалась/ не отличая/-летая

отцепила/узнала (концепт и есть опыт)
копытца || математики-амалтеи ([вечно/] уходящей/дающей?) (безмолвной)

.
([нерешительно и]/ безмолвно море)

(беззвездная? вложенная) устрица обсуждения (?) возбуждения (сцепленная в синицу)
впускает (?) нож (между нами) (нож моря) (вбирает)

«и я слышу, как/и я (приглушаю) придумываю слова»

II.

{версия а}

.

крестьяне

предместья

вся власть снегам

да не литография, а эдинбург

да не европа/ а Вогнео

в разговоре (газете)

вдохновение/ и здоровье

младенец-опекун

спасибо
слишко[м]

предоставь сыну

грудь-подвиг

дочери пресвитериан

старая
гвардия (карга)

[тигры

привносят в соперничество
элемент игры]

мама, маша (в тигре) больше[/скоро] не пьет

сумерки
(люди)

летаешь

nothing

стрекоза
впечатления
в составной чашечке.

подброшенно и ярко

и бабочек, сочащихся дальше

и бабочек, []щихся

акаций
царьградские сурдинки

ты прямо как зародыш без сапог

...

[мучение точкой
теряющейся от ветра]

устрица открытости
беззвездная

беспросветна
от звезд

в церебральной
черноте

{версия b}

.

холм ловли трав

шевелиющихся трав

жар
сухой ветер

.

жара носит мертвую цикаду ветра

[тикание лета]
где тишина (возникает и) делится

конопата пробелы штампованными

пропастями

.

стрекоза впечатления
в составной чашечке./ коленной княжне.

.

что флейту трогал, но беззвучный светлодув.

голос/ чей, тот и виноват.

носитель/ голоса невесом.

кто-то/ от тени нырнул.

.

да не репетиция, а птичка

.

пытка тысячей

.

[лето] «проходит мимо и жарко».

.

устройство мира в середине свечи

так и не достиг полного распыления

.

к жене (пельмени)

предметы;/ там дождь

я только и умею, что окно

{версия с}

за лето пылает один дождь («любовь»)

бессвязную жизнь

в огромной комнате (тревоге)

словарь дикарств/ словарь (ловец) зверств

ошлепки бабочки
забывшей

старости

рассвета

пустыней, удушенной звездами в колыбели

сожалению

неужели

известные

визит

[биостратиграфия и микроорганизмы/ фанерозоя/ евразии]

незаконно/ и заразно

просторно/ остолбенело/ / остолбенело/ свободно/ /

незаконно/ заразно

даже если ты назваль себе зайца рейкъявиком

текст
камнепад

велосипед на свою замечательную землю. смываться;

гробик с ластами

столб
простора

...

[снять иголки с букв

их сухую тонкую сетку

мы съели немного простого огня/ мы выпили простой/ крови

что, если бы люди
заменяли вещи
чем-то]

III.

1. Понг!

в бездне дрозда
(Игорь Бобырев)

изогнутая бездна

2. Сведения для прокрутки

требуются/ / попробовать

повернули внутрь

замысел/ / / забыл

толпа-недотрога

способна (обезьяна)

стрекот исчезновения

прошлых шашлыков

погоди/ там сейчас сонigli

и мыши с тобой

на необитаемом воздухе, где никто

ел-человек

невнятных трав

карфаген должен быть перпендикулярной

тринадцать матерей собирая воедино. вирус речи.

(?) дальник

маша.

титовый глянec.

[п]олуавтоматический одуванчик. полу*ч*ков*й человек

наполовину семья, наполовину голод.

разве наши названия (телебашни)

все в порядке (зоопарке)

птица / / из семейства

говорить (повторять)

да не точек, а тучек

физически ничем

перебирались, || сквозные

не узнавая сумерек, в которых

листок/ скорлупка/ «где»

листок/ просто так

листок/ скрипка

срывается/ птица

высерки/ сумерек

высерки/ богов

искра сверкнула/ в высерке/ сумерек

лететь/ и встать

без нога.

исчезающее сотрудничество

птица послушает, может

мобила (моторола)

пиксюлей.
слов
пахучий фетишист
наши (собаки)
без/ тебя
списках мороси
пасхе (легко)
и вылупился из птиц
на закате/ неразличимы
но с осознанностью слезы
в хозяевах
вот так:
немного/ денег
караул/ баран
вы диплодока/ оплодотворите
поделитесь опытом или сыром
восторг/ носорог
трудолюбивая рыба
дерево в промахах
и пришла еще одна собака
рубленных нет
привлечь
зима/ жива
и пришла еще одна собака
лучилось и получалось
баба роза
а то так и не уйдет никуда
изнежен рыбкой
предвыборная сила

козлук
верстак
психопас
тут мне попало это взвыло
психически здорового попугая
тертый, инертный, в очках
ресница весна
вам туда / там такая /
удовольствоваться семгой
концентрируя воду
несколько голосов
резкокрылые
больную женщину
отягощен/ двигателем
сравливать длинные
мощнейшие листья океана
луна в рыбах
оцеловки бабочки
[залетевшей]
произведена/ и прозвенела
как лебеди; как некоторые
косный 20.5 косная 28.8
и бабочек, занимающихся
родился капиталист
полузамученные мелочи
умирали сперва перьями
о красный/ там дождь
в мышах у меня/ существуют
да не ооооо, а особо

задубелые: другие

да не горячепеченой форелью, а печалью

камера хранения посторонних

более странные камеры хранения

складское хранение незнакомцев

laudable (clappable),/ collapsible outskirts of apples (похвальная (для похлопывания),/
складная округа яблока)

гринок

точечка

цыплята

свирепый

стереотипный

вина, противореча повествовательному равенству себе (повелительному равенству себе),
расколола его, и в разломе

тут ему и объяснили все о вине и стыде и как это происходит у птичек и пчелок

attracted/ housecat (привлечь)

заостр. тк

не требуешь/ но внезапно заостренный крест

рука/ принадлежит

волос, плененных/ бессонных волос, плененных

пленных волос

терпеливые осы

птица-салон

не понял (дятел)

твоего тезиса о контексте/ /

мучительный дятел

щиколотки/ песок

целебных грибов

мерцание/ целебных

гаснуть гасну гаснем гаснешь гаснете гаснет гаснут гас гаснул гасла гасло гасли гасни

гасните гаснувший гаснувшая гаснувшее гаснущие ...

напряженно, друзья

об опечатке, как о коммуниальном опыте зрительной иллюзии

о чем мы не можем поговорить?

аня пообещай пасти народы

доктор, я все время вижу [голую женщину]. ну, не голую женщину, но я все время вижу!

[голый доктор]

если не панда

поверья тени

?объявленная тишина.

3. птица плыла полсекунды и скрылась как зрение

IV. "чем меня жизнь [проявляла]»

[ты не против, если я наш эпистолярный воспитательный detektiv приаттачу как часть dĭja prokrutki?]

Wednesday, July 21, 1999 5:37 PM

[View E-mail Message Source](#)

Content-Type: text/plain; format=flowed

ja tozhe gorzhus' vashim jandlem

прямо под носом у глаза, который,
правда, тоже не каменный, и вообще какое там 'запродать' глазу...
камню... на мой взгляд, анны, официально приписанные к глазу,
круче,
мне было бы лестно, но типа как подлогом, называть
вас на ты, т.к. ваши территории ныне дикий потомок

vezet tebe :) tochno znat', chego kazhdomu ponjatiju nuzhno v dannyj moment

> iz v. ja. proppa, 'poetika fol'klora': zhanr

> odnoj iz kazach'ih pesen opredelen: 'Po bessvjaznosti liriches-

> kaja.'

> ja tebja probovala perevodit' kak-to, no neuznavaemo poluchaetsja

> lopushok - eto chelovek? :)

Friday, January 04, 2002 10:55 PM

> no ja, eta, po-idiotski privet reshila skazat',

читают вслух книжку про горы: «вулканические процессы, породившие skye cuillins, [что-то там]. (курсивом) лодочки, поставившие cuillins на плато, где они до сих пор находятся, скрылись за самым экватором.»

2004/06/10

там недостаточность общества породила двух героев, как недостаточность лица может породить корону, серьги

(2)

/ _ /
/ _ / _ / _ /
/ _ / _ / _ /
/ _ / _ / _ /

feb 2 06

of rural
of muskegon
of memory

of ada
of arcadia
of albemarle)

of alcoholics
of foresters
of hibernians

of charity
of style

of america
of christ
of style
of hawaii
of christ
of the
of christ
of god
of new
of christ
of life
of god
of christ

dec 8 05

yer stuff. not sure if these are the best versions ever [твои. не уверен что это лучшие из возможных версий]

oh shingle
oh shingle
oh shingle
oh shingles research

ok shrimp farm
ok shrine club
ok live shrimp

ладно форма подачи креветок, ладно клуб святилища/раки, ладно живая креветка

ok shaving & poultry
ok peak shaving

не на катке же!
not ok skydiving

Человек ест неизбежность в своем доме

это наша программа

Человек спит в этих программах

06/05/12

читателя к *нужным* парасенсорным (ассоциированным с конкретным значением значением какого-нибудь сенсорного параметра) характеристикам слова (что важнее в «заря»: то, какое это двураспахивающееся тоническое трезвучие, или «ря» в любом из значений?) тебе понравились кубики тревоги, хотя бы отдельно от того стиха?

поиска, голос протокола нащупывания слова или роста слов в другие.

он живой вообще? его слышно? или у меня можно читать только про ублюдок/упадок, а про

milorava:

(vse) (dazhe esli predstavit', chto vtoraja strofa ne rasshifrovka slova "ljubov'", sovershenno normal'no chitaetsja: kak sopostavlenie segmenta "i ljubov'" s ego predlagajuschim i zatihajuschim i "pestrye l'dy/ i kovry" s ego konvoljucijami.)

5/16

pit' krov' [serdca] iz ladonej - starinnyj (plachi 1-go tys.) hod

06/06/30

не понял [дятел] твоего тезиса о контексте

ljudi so skobkami v imeni trebuje, chtoby ty s~chital ih ljud'mi, a ne organizacijami
у него незапоминающиеся фаланги, а палец получается выразительный, длинный

net, mne nado bylo ^eto uslyshat'

ja ^eto perepishu

а сначала все откровение какое-то похожее на увеличенный коровяк

ты их небось рассеянно обласнула. счас

они не фенестраты, они как боги

но нет, представь себе: 7-летний репенок who never signed up for this [который ничего не подписывал] а царит ревность как идеология
октябрюта ревности там, политинформация

3/23/05

трудно не примитивничать КОГДА САМ ДЕЛАЕШЬ

а как *захотеть* ответственность?

там предупреждают: _копро_дукция

aagg - LJ Comment Re: or is it «stand on their heads?» Mon Jan 03, 2005 2k
aagg - LJ Comment Re: or is it «stand on their heads?» Mon Jan 03, 2005 2k
aagg - LJ Comment Re: or is it «stand on their heads?» Mon Jan 03, 2005 2k
aagg - LJ Comment Re: or is it «stand on their heads?» Mon Jan 03, 2005 3k
aagg - LJ Comment Re: or is it «stand on their heads?» Mon Jan 03, 2005 3k
aagg - LJ Comment Re: or is it «stand on their heads?» Mon Jan 03, 2005 3k
aagg - LJ Comment Re: or is it «stand on their heads?» Mon Jan 03, 2005 3k
aagg - LJ Comment Re: or is it «stand on their heads?» Mon Jan 03, 2005 4k
aagg - LJ Comment Re: or is it «stand on their heads?» Mon Jan 03, 2005 2k
aagg - LJ Comment Re: or is it «stand on their heads?» Mon Jan 03, 2005 3k
aagg - LJ Comment Re: or is it «stand on their heads?» Mon Jan 03, 2005 5k
aagg - LJ Comment Re: or is it «stand on their heads?» Mon Jan 03, 2005 3k
aagg - LJ Comment Re: or is it «stand on their heads?» Mon Jan 03, 2005 2k
aagg - LJ Comment Re: or is it «stand on their heads?» Mon Jan 03, 2005 3k
aagg - LJ Comment Re: or is it «stand on their heads?» Mon Jan 03, 2005 3k
aagg - LJ Comment Re: or is it «stand on their heads?» Sun Jan 02, 2005 4k
aagg - LJ Comment Re: or is it «stand on their heads?» Sun Jan 02, 2005 5k
aagg - LJ Comment Re: or is it «stand on their heads?»

*

*

« «,

, -

????????? ???????? (??) ??????? lebensphilosophie??

>chitat' kak

>????????????? ?centra kokosa? ??? ???????

> что невazhно dlja prochtenija

о:

<http://www.livejournal.com/users/viktop/244939.html>

> -Ж-

а рабочий и колхозница - вампир «курица на бутылке»

что птица будет делать с отдаленными гнездами («с лишними глазами»)

стих написала птица

vot, mne teper' hochetsja vymenjat' u po^eta gnezdo na jabloko

(ябл. как атом водорода во вселенной вещи)

2005-02-17 05:39 pm UTC

i'm referring to this passage from schwerner's the tablets

show yourself Lak, let me blind you Pnou

о Pinitou Pinitou Pinitou*, this is not me

*curious; if this is the surname, or given name, of the speaker, we are faced for the first time with a particularized man, this man, rescued from the prototypical and generalized 'I' of these Tablets. If it is this man, Pinitou, I find myself deeply moved at this early reality of self; if we have here the name of an unknown deity or peer of the speaker, I am not deeply moved.

я говорю о пассаже из табличек швернера

покажи себя Лак, дай мне ослепить тебя Пну

о Пиниту Пиниту Пиниту, это не я

*Интересно (курьезно); если это - фамилия или имя говорящего, то мы впервые сталкиваемся с конкретизированным человеком, человеком, впервые освобожденным от первообразного и обобщенного «я» табличек. Если говорящий и есть этот человек, Пиниту, я нахожу это раннее (древнее) явление личности глубоко трогательным (я нахожу себя глубоко тронутым (взволнованным)); если мы видим здесь имя неизвестного божества или товарища говорящего, я не глубоко взволнован (тронут).

а что будет делать птица таким с ограниченным гнездом, как яблоко?

птица-хлопья «будет делать»

http://unclear.rinet.ru/~r_l/Scizophazy.mp3

<http://www.undiscoveredscotland.co.uk/usebooks/martin-stkilda/chapter01.html>

having on their Feet the usual Dress on such Occasions (arrival of a Boat - 9), i.e. Socks of old Rags sowed with Feathers instead of Thread

на Ногах у них была привычная Обувь для таких Случаев (прибытия лодки - НС), т.е. Носки из старых Тряпок засеянные Перьями вместо Нитки

osobenno sejchas kogda ih net

ну не совсем два
их беседа звучит как несмазанная тележка

@,--`----,----

my na chem-to ne na tom govorim kazhetsja

dal'she budet ne ^eto

а вор, а вор,
чилль ри до вахкан,
чилль ри до вахкан,
с (йиэв) ху бахкан вряжк аножк (уэм)

ognesosyj, ne hochet vojti dvazhdy v odnu i tu zhe modu

ty horoshij.
ne ebi kerpich.

[perevesti «dryness sometimes meaning underwear,» «vomit or north» («suhota; inogda v znamenii «nizhnee bel'e»; «blevotina (ili sever)» u shvernera]

вам с головой. у тдж в trem neul отдельные головы по ночам пасутся как прибрежные птицы.

^eto chut' li ne u vas v muzee snaruzhi u vxoda v grecheskij zal, chto li, koknutaja golova konja s pozdrej i uhom, 2/3 golovy gde-to, mramornaja.

(<http://images.google.ie/images?q=siphonophore&hl=en&btnG=Google+Search>)

click for huge
the hankie is the flying squirrel

[если щелкнуть, будет огромный
летающий носовой платок - летяга

(в той лабе на картинке изучают, как они разговаривают)

разве что жаль чувственных же реакций на течение рассудка

7 apr. 05

когда появляется новый такой сгусток, ты даешь ему название, и - в отличие от [ест.] наук - сгустки обращения и есть изучаемые объекты

Ника Скандиака

я перестану говорить не тогда, когда ты поймешь, а тогда, когда мои объекты интуиции, густки обращения, станут и твоими) твоими тенями

AG: если избавиться от концептов, оставить одни феномены=продукты восприятия, то в принципе язык тогда отпадает

AG: более непосредственно чем человек

AG: и я думаю, да, у белок есть свой язык

и если для каждого свои (а я верю, что части этих признаков - межчеловеческие константы) и для меня важно, что зеленый = овец + лицо (это не так, но возьмем для примера) - то я сообщу этот факт окружающему, сообщу ему понятие «зеленый менџа», чье чувственное наполнение = его, окружающего, чувственное восприятие «овец» рядом с «лицо» + его ч.в. «лицо» рядом в «овец»)

поэтому разговаривать можно только поэзией

и

у белок (прости) тот уровень глупости, который для меня неприемлем

тупое вероломство, т.е. изменяясь по отн. к тебе, они не замечают, что это произошло

мама выходила бельчонок, которого подрал кот сестры. бельчонок уже с воли к ним ходил, а потом вырос и продолжал ходить, но стал на них кидаться и царапаться. они, видно, были на его территории

most-belka:

<http://www.hmao.wsnet.ru/fotoal/municip/foto/hm/11.jpg>

Марс, поджаренный в кипящем жире

1 британская шоколадка Mars или американская Milky Way

1 стакан молока

1 стакан муки

1 яйцо

1 ст. ложка нутряного сала

Охладить шоколадку в холодильнике или морозилке, но не замораживать. Смешать молоко, муку и яйцо. Взбить тесто до кремообразного состояния. Подогреть сало до температуры, при которой lomtĭk хлеба подрумянивается за несколько секунд (масло не должно дымиться). Окунуть шоколадку целиком в тесто. Погрузить в разогретое сало и поджарить до золотисто-коричневого цвета. Подавать по желанию с мороженым или картошкой фри.

2005-03-29

На этот раз потомство вывелось не из яиц, а из гнезда.

<http://www.fleisher-ollmangallery.com/selftartist/wireman.html>

механическая шкурка чтения не поспела за остальным хорьком

vobrav kogti ^eksperimental'no podojti kognitivist

chelovek, пока
oblast' broka.

пожара, чтобы в нем спастись от побега

точно так же, как немезодерм=неомодернизм, немезида=пизда. неэстетичная от вранья.

so skoshennymi k nosu ot postojannogo krika glazami.

и когда-нибудь это оправдаю, хотя потребности оправдать не испы(делает хомячью тыкву)тываю

все интенсивно на самом деле (само по себе)
и, да, черт приходит

человек ест место, где он застрял
(сказала наша программа)

человек ест неизбежность в своем доме.

и еще (в щенячестве)

Где

взять мужика
взять

мужика
мужика

который сможет сказать: «Хватит значит хватит»
который

сможет сказать: «Хватит значит хватит»

сможет сказать: «Хватит значит хватит»

сказать: «Хватит значит хватит»

«Хватит значит хватит»

Хватит значит хватит
Хватит

значит хватит

хватит

hang in there man

всегда иметь карманное слово

ты то, что идет дождь и смеркается?

это панчлайн из анекдота, основу кот. я забыла
я честно искал
но ключслов мало

существует Isle of Ewe

*(кролик и его когнатые и знакомые)

друг друга с бурундуком

помнишь те документы что яндекс выдает на !терроризируетесь - вот там бросается в глаза морфологическая неоднозначность всего. блял и, бля, императил. менил и императил меня.

сообщество зачехленное в кожуру оружия?

своего вместе-и-несовместимого (названного) брата в роговой коже, используя оружие (булаву), которое прошло через его отверстие и открыло его тело как цветок

внутренности птиц сами/ предсказывают розу ветров

да, ольстерский цикл
помнишь я тебе стихи разными цветами - это про них
счас

Trams in colour since 1945 /
Author: Joyce, James, 1927- Date: 1970.

но готов быть сослан в детскую для пожилых детей

не костыли а экзоскелет

AG: мир знает только одного джойса.

кто, - они все он, как катальпы - она?

я не могу одновременно переводить стих и процесс перевода

по что со стула встает i greshit человек с турреттом иным способом чем чел без [^eto k fragmentu iz notley]

(Alice Notley, «Close to Me & Closer . . .» из Grave of Light (Wesleyan: 1992), стр. 218:

Меня . . . интересует, что от меня . . . здесь. Тогда я смогла бы сказать тебе . . . что должно волновать там, где _ты_. Потому что - это нетрудно - они _одно_.

...

Утка, возможно, другая . . . среди людей - но с утками, утка, одно -)

. только у коффи жест тут как тут - а у меня не было бы, да вот минеральная интонация из гугля, мультитрана, нашего (помнишь) синтаксического патологоанатома подходит.

поправка: незнание да съел наперсток уважаемого человека

отсылки не понял, возвращаюсь

AG: "Жена посылает мужа в магазин: купи батон хлеба, а если будут яйца, бери десяток. Программист, в магазине: «У вас есть яйца? Да? Тогда мне десять батонов хлеба.»

с пяти до двадцати двух лет моей культюпой мышления было вот вот это

читала[chelovek], но забыла // души

человек пишет и не находит голоса, а кто-то птице? птицет, а сколько еще схваченных тайным свечением. там камень и воздух, не сомневаясь, темнеет.

весит.

но спрашивай меня: что-то же ты ощущаешь

с прилетом.

ни венца одни шипы на его
но шипы сохрани для врагов его
как сохранить эмблему нокиа «шипы» на вашем
нахуй розу, храни шипы

кроме терна и чертополоха, которые щедро
ничего кроме терна
холст, не считая шипов

(с помощью гугля)

связь сети с гнезды - через дети внизу и звезды вверху,
нети, нет-квест, квохт, нохт (идиш и древнеирл. ночь)

слушай, сидящее на яйцах лучше?

ною от всего утопающего:

я на что-то гожусь

КЛОКОЧУЩЕЕ

плохосообщающая жизнь получается, когда умеешь помнить только как животное

может я мифологизирую люпин

и эволюция от обезь

нет

не могу

эволюция от понять

пошевелиться конем

белое и сладкое, живое и мертвое еще близкие родственники через вспомогательные предметы и отношения - знакомые по быту

а вот - - но нет, сроднить бытом можно почти все.

а то что можно построить продолжение белого которое будет продолжением сладкого (и из него взрыв-обман, проекции в пространства цвета, вкуса. тут можно говорить и о начале) - пожалуйста

но ты не можешь зарыть густоту

трагедия только что стертого числа

симптом «рассматривать увлеченных медведей в тихоход»

нечто на присосках к словесной плоскости
осьминог эйфелева башня

zachem grizli? pizdeli

ну я примитивизирую да, надо отвечать молча
а жертвой жортварью травы быть славно

ну полезно

it's either bliss or a lesson sed the writer of pinitou

я давеча представил себе поэзию как скульптуру в коровой шкуре. в том смысле что она-то научит. как себя вести. в годы внутреннего конфликта. с помощью блисса и лессона. а слов критики от людей дожидаться (оба смысла - и рекаррентли и рекёррентли) - либо бесполезно (оба смысла)

izvini, chto ne nashlos' nastojaschih myslej zakolot'

AG said:

почтальон делает неопределённый жест и

покидает дверной курок и
взмахнув плавником плавно падает в озеро.

...

помнишь рассказ про край света?

а чо, не света, если в зеркале?

[огонь быстро копирующий страницы застрял в голове и оттуда не вылезает уже
сколько дней]

наверное нужно маскироваться
взять понятия и делать из них фигуры но так чтобы они делали правильные
формальные жесты - но чтобы вся условно говоря

поэзия происходила между жестами

и не давать формализму утопить себя
невысказанное между формами не может не передаваться (инче бы формы не
разделялись невысказанностями)

уфф! ты критик :) а меня устраивает такой уровень глупости, я вообще их за это
люблю, белок, что они вредные и булку на

верхушке дерева прячут, где её ворона утаскивает

везёт дядьке, я тоже хочу, чтоб на меня летяга напрыгнула!

я ещё буду изучать там - про дельфинов пока не видела

нет, не контрапункт
не два голоса, я грю, а две сущности, одна живая, одна мёртвая
живая - говорящая, здесь, сейчас, этим голосом (который любит слово
невъебенный)

хуй знает
ну да и фиг - в моём словаре слово модернизм вообще отсутствует

что такое изысканная девушка? крупная тараканиха?

ты настойчиво сватаешь мне эту кричу в немезиды, что ли, а?

Я думаю, все знакомые - в некотором смысле продукт воображения.

совсем про него забыла, про читателя
надо б написать чтоль

простотата и красотата

великолепие - не всегда комплимент для поэзии

мда

аagg

2005-03-24 04:39 am UTC (link) DeleteFreezeScreenTrack This Select

боже

прочла с пьяных глаз у краеведов вместо «написать вебмастеру» «написать невьёбытинку»
недаром мне сегодня снился голый японец, да

(Reply to this)(Thread)

999999

2005-03-24 06:17 am UTC (link) DeleteFreezeScreenTrack This Select

это часто - метатеза - невьёбытинку вместо невьёбытнику

ему и правда гнездо невьёбытинкой попкалевать пора (понятие поры, времени года = голый японец), они на запах летят

фичи сгруппировать (веб + ятник + у)

+ читатель был немножко фиксирован (кто-то любит слово невьёбенный, нет?)

трезвый спетцально не группирует фичи из разных групп когда они бесполезные
но его можно соблазнить

Re: спасибо

999999

2005-06-28 03:31 am UTC (link) Track This

как мы обменчиво спасибоми и недорисованными кардиоидами

(Reply to this)(Parent) (Thread)

Re: спасибо

аagg

2005-06-28 03:34 am UTC (link) Track This

думаешь это у нас от сердечной недостаточности?

(Reply to this)(Parent) (Thread)

Re: спасибо

999999

2005-06-28 03:44 am UTC (link) Track This

нет, от ыткрытости

(Reply to this)(Parent)

Re: спасибо
999999
2005-06-28 03:46 am UTC (link) Track This
от сердечной простатытой

V

Va. зверь-отец; дуэль с ним: я сбежала с (его) статуей

1. сбежала со статуей
лучше не помню когда, чем никогда, чем сейчас.
разве наши знания знакомы?
прекрасно, завтра утром пришло к вам свои имена

«как, например», двери глаз для слепых

2. унаследовал силу от программы и шевелит или повелевает.
руки не отвлекать (руки про другое).

каждый имеет право на счастье (быть волнистым)
будьте со мной, пожалуйста, счастливы!

3. как ты понимаешь свет своего тела?

выставка неподвижных камней

на то и я, чтобы нешто не ясно

у животного не нарр. история: топография, структура возвр. опыта
валюх,

2. себе отец, закованным закон
свекарево всечение
в тонкое это окно.

кладет на стол голову (хлеба), зарабатывает на бороду с маслом
столь искушен на Гитаре, что при игре раздавалась || одна лишь китайская речь;

1. [в диких дождях; ночь; лисята;]*

2. если бы роберт (бог) знал, каково нам здесь/ с ногами, наполовину сделанными из идей, в
волосках названий, он передал бы что-нибудь для людей/ напряженной стопою.
приходи теперь, время
грядунам

.

2. то ли памятные || шаги никому;
потрясающе! просто виталище!

1. беседы морского священника
и мыши с тобой
епст. цветок воспитания

2. кто включил предмет как интернет

легко приподнимая языки

1, 2, 3. родные (родственники)/ черного дыма: цветки?
токсикодендрон начинает проступать, мать его в ковчег
перевода (полета)
вопрос удивлен («без и сам»)
вопр. спрятан

1. мементо ночи [ночами]
кверх ногами застучит

я знаю, как отсюда выб(и)раться: давай я буду || меняющийся свет

*в диких (?ноздрях) дождях пшеницы
на воле лежать,
поезд леса повязан/ вокруг земли,/ в воздухе
звон/ донников. перед глазами
кусочек коры.

.
то ли каменные
шаги пустоты, то ли гильзы
добившихся человека [обратно]
реалий.
пустота, разьебавшая человека
в одну (тридцатиградусную/ «азиатскую») ночь,
садится/ в машину || под окнами, шумно, со стоном/ неслышно
отъезжает. smells like (palony)
ecstasy, gin, teen spirit, głos || ewy demarczyk
po telefonu (privet!) человек/ просыпается в тридцать
от пустоты. то ли путь [он] кремнистый, то ли
мои следы, то ли каменные
шаги, то ли гильзы
доверия/ по телефону.

.
ходил по (крикливой)

мокрой кирпичной тропе в можжевельники, ели.
по сторонам

остерегались большие камни.
у болота [горели] орешки плоти, белочке не по зубам.
в конце пути
слушали(сь?) два лисенка. лисицы. кислица, красный
отражатель, иголки, шкура и кости яжа.

.
вот люди живут - живут и большие птицы, || ночные.
хромают бедром/ крыла, покидая
тяжелую лодку в полуночных речных хлопках.

Vb.

береза белая, ослепительная пытка тыщей,
я трудностей не потер с полночных праздничных дисков
трусостью и грустью.

береза [глаза] режет.

выбрался из (океана) оврага

выбрался из оврага, подтягиваясь на токсикодендроне. о волнениях тела,
скрывающих и вызывающих душу.

береза глаза наблюдает/ [долго]/ || [заберет⁰]

быть несчастным растяпой, сиянием изъясняться/изъясняться сияньем.
речь (песнь) о кроликах и кортикостероне.

стремиться несчастным растяпой стать в (блужданиях) феноменах,
чтобы память помнила и, румянея, пила;
всегда¹ жива еда. и пиво и пенье. живой и мертвой/ вода бывает
(пустой) и зрение - вазой для красоты² в³ мерцающих *vam tam* сосудах,

но не звериное; и не звериное время, оно не бывает (бывает - забываемым, не/) тленным
(названием/трезвым/

потерянным с тысячей разных)

научились приглашать [prigotovljat'] животное.

научились поглаживать животных.

трудностей⁴ (?царапин) не утереть с волосатых⁵ и солнечных дисков.

береза не заберет/глаз бережет и т.д.

[prirodu] глаз не берет (?)

стоять обеими в пролитом потоке⁶

[glupost'ju и vlast'ju.]

сырых зверей вперед себя пасет.]

⁰ razberet.

¹ [?'пугала]

² /katastrofy

³ (morschinah)

⁴ [haraktera]

⁵ [prozrachnyh]

⁶ (в [правом/]кровопронитном ботинке: объекте/banke? порядке?)

[lezvija zaklanij; baklanij?]

[nauchilis' poglazhivat' kiskov/...]

Vc.

создать того, когда ты не (привет.)

зачем все подбирать? изменить, как сам || поднимаешься и идешь домой

изменить, как отправляешься домой

среди светящегося/(ветвящихся) по-прежнему людей/ создать человека, пока ты не человек.

я дерево? -- себе? -- ищу? -- зимой?

и дерево нагрето до руки

и дерево нагрето от руки,

и дерево согрето до руки. береза берет.

на кольца нижеется и обростало мной

на кольца режет себя (свелось) и тилось, стает,
и ниже нижеется (да расставайся
уже) или же лижется еще ближе, ищет
себя ище/ и у/ стоит.

наземные созвездия, в которых
названия, в которых ты проживаешь,
нижезажженные чем/ незачем, свечи,
пока я не свечение, бежим.

VI. выведение из синестезии

1.

(что будет, если выжить ухо-дно и захлопнуть синестезию с той стороны?)

смотри,

.

однокожие
стрижи, стрекозы.

их свободное растерзание.
их свободное свечение.

.

смотри, однокожие
стрижи, стрекозы.
острожевые осы.

.

их свободное растерзание.
отдаваемый моцарту пух
возвращается в полную колыбель.

.

стрижи, стрекозы,
их свободное свечение под вечерним платьем
(гость
и голубь)

.

отдаваемый пух
уносящихся, сжимающихся в меня
сжигающимся колец

.

(с каждым мгновением нас покидают боги,
не тронув порога памяти, не оплачешься)

и уносящих)

.

(не видно стрижа, но раскраски шершня слепящее
колесо (чудо)
вытянутых мгновений)

(.

одного
мгновения: чудо

как стриж

меняется собой

.

(дешевый
монотеизм
мгновения)

).

адонисов, безустых и стянутых
в юность теснее всякой

памяти

адонисов

безупречных колец воскрешения:
не опомниться, не отодвинуться, неуязвимых
искусных колец

.

стянутых в точку
губ
в языках огня

.

удивления (чуда): вытянутой в куль втулки губ
(в осиных спицах огня)

одно «вау» - до самой смерти
смотреть
золотой
головой
осы, звенящей (жизни)

(завязи в губах)

жить со звеньями
бесконечной осы во рту

2.

вчера туман

передернуло,
и он подробно и надрывно

сегодня
погружаюсь в невероятную зелень.

в ней различимы
колесницы

раскаленных отдельных
чудес: дуба
красного, белой сосны. дуба, сосны,

и warbler'ы заутреню зарядили,
воробьиные утреню трындят,

интересно, кто такие осцины
(латинские птицы для ауспий)

чуда удивленный кулек (курок?) и осинные спицы,
птицу не видно, цвета
чижа горящее
чуда
ослепительное колесо,

кто на земле
передо мной гнездится,
посмотри, кто в траве
гнездится, юнко

серый,

hуemalis,
понимаешь,
нет! воробьиная
овсянка,

сэр

.

козодой-человек,
голос
и классика покидал

уйти в секту
музыкантов
(ухо). стрекозы

все из-
рекут. посмотри, как в траве гнездится
ослепительное колесо.

[остановись!
ты его не спасешь,
но ты дашь ему передышку]

Анна Глазова

КАТАТАКСИС / Комментарий к одному предложению

В начале было слово, а потом сразу падеж. Когда слово пало, то глагол “упасть” стал временем, и так начался разговор. Разговор склеивается из сущности и действия, и этот клей – синтаксис. Строя предложение, мы строим мир. Соединяя подлежащее и сказуемое, мы всякий раз не только называем субъект и не только характеризуем его действие, но осуществляем синтез субстанции и времени. Высказывание Ницше о том, что метафизика не будет завершена, пока существует грамматика, следует понимать не как призыв перестать следовать правилам правописания, а как утверждение, что от порядка в предложении зависит и строй всего сущего. Пока идёт разговор, мир существует.

Каков строй предложения, таков и порядок в мире, построенном в нём. Так, например, в книге, озаглавленной “Грамматическая война”, *bellum grammaticale*, изданной в 1511 году и сразу ставшей по тогдашним меркам бестселлером, Андреа Гуарна из Салерно описывает латинскую грамматику как войну между двумя братьями, существительным и глаголом. Существительное “*Poeta*” воюет с хрестоматийным примером латинского глагола, “*amo*”. “Поэт любит”: и тут уж между частями речи разворачивается гигантомахия, так что только летят во все стороны щепки – исключения из правил. Полтора столетия спустя немец Шоттелиус, вдохновлённый примером Андреа Гуарна, описывает немецкую грамматику, также используя в качестве метафоры войну, но Шоттелиус стоит по другую сторону этой метафоры. “Ужасная грамматическая война” Шоттелиуса рассказывает в аллегориях историю тридцатилетней войны, уже не мифологической войны в полисе римских братьев-близнецов, а христианского раскола под властью Священной Римской Империи. Два могущественных короля, Искусство и Похвала, воюют друг с другом не на жизнь, а на смерть, каждый вопия о бессмысленности войны и скорбя об утерянном единстве.

По синтаксису можно учить строй, присущий тому или иному времени. Но дело даже не в истории. Для поэзии слова – это не “только слова” и не “на словах”, потому что в поэзии нет другого времени и пространства, кроме собственного синтаксиса, и нет других законов, кроме правил этого синтаксиса. Поэт живёт как “поэт любит”, слово поэта – его стены, окна, руки и тело. Но поэт не книга, его жизнь не вечна, и его слово склоняется перед временем, в котором он жив. Каково время и как говорить теперь? После войн и революций, катастроф, когда человек наткнулся на собственные границы, за которыми – уничтожение мира; как говорить, когда все условно равны, когда каждый сам по себе и каждый, как когда-то Людовик – собственное государство; как говорить, обращаясь к тому, кто не очень слушает, а если и так, то не очень доверяет, наученный ежедневным опытом науки отчуждения?

Только что вышедшая в издательстве НЛО книга Ники Скандиаки “[12/7/2007]” не ставит таких вопросов и не даёт на них ответов, но стихи здесь говорят, и у них свой строй. Они говорят из своей даты и чертят пространство собственного дня. Вот одно предложение от 26/2/2007:

но то, в ковчеге, доверие к тебе, что ты ничем
не станешь, а станешь;

но то, вначале, доверие к тебе, что ты никем / никому
не станешь, а станешь – всем

Пространственная и временная координаты – “в ковчеге” и “вначале” – описывают жизнь в пути, без определённых границ сегодня и с обещанием завтра, жизнь среди таких же, как сам, оторванных от дома существ, положившихся на волю существования. Только в истоке жизни есть такое доверие, когда ничего не остаётся, кроме как течь вместе с ним, с истоком, куда вынесет, и писать дневник текущих дней. Так написаны и эти две строки. Вторая почти

повторяет первую, как один день сменяет другой, но ни первая, ни вторая не начинают нового предложения, не возвращают к началу истока, а просто несут дальше – упав в течение, ничего другого и не остаётся. Начавшись с неопределённого “но”, не отмечающего начала, предложение не завершается точкой. Это не “Интернационал”, не “кто был ничем, тот станет всем”, это другая революция – не восстание подавленных против подавляющих и не бунт сирого против сильного, тут другое понимание силы, и высказано оно в самой синтаксической структуре предложения.

Синтаксис этого отрывка – не столько паратаксис, провозглашающий равенство и братство частей предложения в противоположность гипотаксису, ставящему одно предложение в подчинение другому. За неимением готового термина, чтобы описать этот синтаксис, назовём его “кататаксисом”, т.е. таким порядком, в котором властвует поворот, оборот грамматических структур, в котором части речи соединяются друг с другом более, чем одним возможным образом. В предложении, как в потоке, сила течения – глагол – закручивает грамматические водовороты. В процитированном фрагменте их два:

1. ты ничем
не станешь, а станешь;

и

2. ты никем / никому
не станешь, а станешь – всем

Если читать первый отрывок, “ты ничем не станешь, а станешь”, по правилам обычного линейного синтаксиса, получается, что в такой структуре либо второе “станешь” стоит не на месте (правильно было бы употребить другой глагол, например, “ничем не станешь, а умрёшь”), либо не хватает дополнения (правильно было бы, например, “ничем не станешь, а станешь ничтожеством”). Иначе, опять же по правилам линейного синтаксиса, здесь содержится анаколуф: предложение прерывается после “ничем”, тогда как “не станешь, а станешь” является абсурдным неравенством по принципу “не А, а А”. Но не так по закону кататаксиса. Кататаксис, переворачивая связи в предложении и выявляя более, чем одно возможное соединение его частей, основан здесь на двойственном прочтении соединения “ничем” и “станешь”. Первый, напрашивающийся, вариант “ничем не станешь” в значении “ничего у тебя не получится” отвергается, в то время как акцент сдвигается с “не станешь” на “ничем”. То есть, “ничем не станешь, а станешь” это свёрнутый вариант фразы, которая в обычном, линейном синтаксисе звучала бы приблизительно как “не ничем не станешь, а станешь ничем”. “Ничем станешь”: это апофатический вызов конечного, смертного субъекта, гордость, радость и доверие которого в том, чтобы существовать, чтобы просто “становиться”.

Второй “водоворот”, повторный виток первого, втягивает в себя и отношение субъекта с другими. В сочетании “ты никем / никому не станешь” косая черта – главный знак препинания кататаксиса – делит высказывание на два: “ты никем не станешь” и “ты никому не станешь”. Каждое из этих двух высказываний завершает вторая часть, “а станешь – всем”. Первая комбинация, “ты никем не станешь, а станешь – всем” это уточнение ситуации, описанной уже в первой строке, “ты станешь ничем”. “Ты станешь ничем, т.е. никем не станешь, а станешь всем” выражает восприятие, не чуждое пантеистическому. Ты, субъект в мире, лишён восприятия себя как отдельного субъекта, ты “никто”, и именно потому сможешь раствориться во “всём” и ощутить целостность существующего мира, утратив собственную целостность. Вторая комбинация, “ты никому не станешь, а станешь – всем” описывает отношение субъекта с другими. Эта комбинация, образованная при помощи омонимической пары “чем? / всем” и “кому? / всем”, добавляет ещё одно прочтение: “ты ни для кого не станешь [ничем], а станешь [ничем] для всех”. Благодаря твоей потере себя в “ничто”, т.е. твоему растворению в существовании вообще, ты станешь для другого не конкретным субъектом, а существованием вообще, человеческим субъектом как таковым. Потому и этот другой для тебя – не конкретный “кто”, а “никто”, человек вообще, человек, конечное существование которого для тебя часть текущего сквозь тебя мира.

Катакис, строй, оперирующий косою чертой и смыывающий сам принцип подчинённости, подчиняет и склоняет субъект, открывая его потоку существования. Потерей субъекта спасена целостность мира. Именно это восприятие целого в потере себя описано тематически в завершающем книгу стихотворении:

как р приниженный и согнутый как б,
открыт || ветрам / посередине тела
ура, потеря уцелела
и счастлив раб, и сердце обливается, и
жив, и сердце об
отворяется, я жив

В катакисе части речи не стремятся ни перехватить власть одна у другой, ни разделить её поровну, но теряют себя в этой власти, сливающей их в синтетическое целое. И субъект здесь настолько не раб, что его подвластность всем ветрам подрывает саму схему "один против другого". Не господин, раб своих рабов, тут торжественно гол перед оборванцами, а человек неприкрыт, доверился нагоде ветра.

от вина от вины и от слёз от-
делившись
в синее небо ходила рука
за твоей рукой, воз-
вра-
силой вернулся.

отделившись,
не плачет, не пьёт-не шьёт.

не говори им секрет,
и живи по прямой,
только думай руками-фигурами.

не светлей и не севернее
но тоньше и чётче
отслоившись от боли
лёгкая чечевица, на просвет
трепет в ней, как от капли в воде.

и ужасно держать на просвет
между большим
и указательным пальцем
освежёванной виноградины
малое сердце.

когда с каждого пальца
свисает как маятник мир.

смута,
помешанный
скрыл уши,
слово – венчиком – бьёт,

бьёт
открытый родник в его темени,
из горьких губ
тянется
пышное мыло.

от стручка отлущившись
в земле
из каменистых пор
и икры кротов в красных штольнях

расщепившись на
перекладины в два хвоста
плётка фасоли
увивает тирезиев посох
и лицо дотянувшись –

остановить солнце? –

или не разделить два побега, но корзину
сплести из каменеющих змей.
и в неё собирать золотистые зёрна
из тёмных стручков
с тихим стуком
упавших на землю.

и от посоха тянется тень.

не светлее чем тень
как инжир завязавшись
– завязью внутрь,
сухой и бескрылой
и свернувшись на влажной изнанке
или точнее: с неточностью совпадения –
ты смотришь туда, приподняв над головой кисти,
и за зелёной ребристой стеной твоего неба
ты знаешь одно.

как бы он отвязался,
если в полночь вдруг чёрный колодец ума
у него распустился рукой из копыта –
как инжир завязавшись
или небо: тенью внутрь.

в остановимое –
потечёт и вытечет
оледенеет дрогнет и пар –
если встанешь, упрямо упёршись, и опустишь горячую руку,
только потянется след от тебя
пока не останется следа.

удержать руки. вдохнуть отпечаток с ладони.
и стереть себя за собой.

свет упал.
ударился оземь, стал светом.

из него выскочила,
как от страха,
и стопа велика, только воздуха мало,
шагами, межой, остановками,
мимо горы черепах,
за гнев ахиллеса панцирь крушащих –

и тут ударилась
о свет.

сердце выскочило, по тропе, за стрелку,
указует:
“смотри, свет, растрепалось на мне и во мне”.
и держит шею бегунья,
откуда вырвался растрёпанный шар – глаза пусты,
добежала –

стой, истукан,
без тебя покачусь
мерить впадины и высоты.

в коленной склянке звон ручья,
звон,
которого
не слышать серебряным молотком
по золотой наковальне,

звон,
колени,
не слышать

из червонного яблока настоящего лета.

так запутаны следы по ручьям,
что распухли суставы,
в которых

у прирученных деревьев растут ноги,
чтобы нести. а в колено холодного устья
хочет склониться вершина.
(ты так долго плутаешь ручьями –
это яблоки звон свой ковали.)

склониться вершина, где от звона стекло.

как дышать в светлый воздух легко
если помнишь византийский огонь и
сквозняк увязавший утро с закатом
красным сном словно долгим гудком.

как дышать в твои пальцы легко
и держать тяжело руку
чтобы не улететь не упасть и не бросить лицо.

ты не бросишься с грохотом в ночь
с увитого скользкими кольцами провода через весь толстый воздух

если в каждой горсти по упругому шарикку тьмы
удержишь и путь тебе ляжет прямее чем луч за спиной.

сколько узлов завязать на платке утекает беспамятство речек?

в малой корзине похоронили клубок не найдя мёртвой птицы.
у хозяина ленты подвязки украли шнурок.
деревянный глухой камертон подложили хозяйке
к связке ножей.
сколько чужих приключений и складка.
чёрные ткани и узел в плече ключ
к ладони: не чтобы открыть или взломать, а сравнить
с камертоном.

и четыре зубца содрогнулись на вилке,
будто робко вздохнул человек малопалой рукой.

ты опускаешь мне в шелест лицо и смеётся бумага
штора
за ширмой
портьеры
до двери
со створкой за
ровным чулком

длинный список

Тимофей Дунченко

бамбаклят (магический пофигизм)

1. bluetooth
2. бамбаклят
3. клиула
4. время для кэрри
5. клиула - 2
6. отчевоже
7. rubiohead
8. самочкино гнездо
9. жизнь легка
10. хард одиссея
11. сомнамбулист

1.

*сколько времени не вычислить не избежать
будет сторожить не сподобится нажать
и вот так всего понемножку*

погадай я сказал но взаправду не понарошку
посмотри валет четверка тройка туз
цыганка лизнула ладошку
ты не человек – ты bluetooth

а я тебе снюсь потому что ты не хочешь просыпаться
брatца вашего знаю он зависит от своего брatца
в терновом кусту сидящего
с ухмылкой на все смотрящего

чтобы веники – вы парьтесь парьтесь – листики облетят
стало быть беде но меня обидят но я прощу
и меня простят
мальши играли в кубики и поранились
заорали жутко
улыбаются говорят – вы полайтесь полайтесь
ну а я соберу пожитки вместо парашюта
спрыгну четко

ну а косточки соберут
соберут все то что выпадет из мешка
мне ходить пешком не тонка кишка
я дитя стирательного порошка
ты попробуй меня пожуй

только в чреве том зябко и темно
и болит голова реагирует на погоду
я смотрю в бинокль в параллельное моему окну
вижу два кругляша и за ними чужую морду

это ж сколько времени не вычислить не избежать
это ж сколько еще говорить лажать
и вот так всего понемножку
я хотел бы мир я хотел бы его сожрать
мне бы больше ложку

2.

это как бы не так это вызвать бы в тебе – ярость
целого мира много
непримиримое соседство
так что согнулась в дугу и вывернуло от стыда
она щелкала языком и каждому представлялась

и не будет любви

больше

и детства

некуда отсюда никуда

и в этом имени в этом имени такая беспощадная глупость
такое ебаное юродство
чтобы екнуло оробелое осоловелое накрутило себе беспощадная глупость
беспощадная глупость
ебаное юродство

через пень-колоду перескочила обросла шерстью
взвыла дико
сузила в узкие щелочки то ли горло комком то ли в горле светящиеся комочки
жгут его раздирают изнутри и выкатываются нет выпрыгивают
ослепляют ахово
лицо на плаху
был кто-то – трахнул
и его великое
брызнет капельку и заработает щеточками

шла по тропке на ветки хлещущие обиженная
на полянку вышла стоит избушка
избушка с куриными крылышками
закудахтала и улетела выронив из окна старушку
та ударилась оземь и вот он и твой
смертельный париж

через пень-колоду перескочила голенькая шлепнулась и затихла
заскулила
подтянула коленки к лицу глядь лежит на плато а вокруг обугленные обелиски
в ее чрево уходит лихо
в ее чреве тепло и тихо
а земля обнимает и терпеливо щупает гладит ласкает тискает

как история начиналась
бамбаклят

то ли бомба блять
то ли баба блядь
бамбаклят
смешная тупая ярость

3.

детоньки вы не люди вы – костеры
висящие на стене постеры
кромешные и безлюдные
любящие друг друга ненавидящие обоюдно

то что тапочки стоят рядышком с ложем
это ничего это даже ни капельки не поможет
зоровела зорька вытащила из трусов помидорку
но глядит зорко локотками колет спинку

а тут я шаркающий и готовый на все готовый на всех покласть
двигающийся во власть царь-бидон выливалась кровь голубенькая лилась
и пол-литра мои
утопят все то молодушка все то на что ты велась

да закончится все не так
безумно без ниток и чарующе мимо логично
кровоточит моя затычина
мой притворный единственный крикнет – клевета царю клевета

а на кой маккой а на кой нагой ее по еблу ногой
а мы так вот так а такое сник и века не в такт велик а погиб
а кирдык башка в ней тонка кишка в ней лишка чуток а говна мешок
а на той стороне берега-бережка
кто-то машет кричит
охрип

4.

я иду ко дну
я иду к одну
я спихнула с неба луну
не хотела спихнуть но спихнула
я иду ко дну – утонула

а теперь я ручками вот так
двигаю плову раздвигаю мрак
я медуза обуза морская
все затискаю затаскаю

нет ниточки мои не порвутся пуговица моя пришьется сама
и уколет в сердечко
не смотри на удар посмотри каков был замах
жизнь венка
еще скоротечней

водоросли слишком маленькие глупенькие не подросли
еще
вещим будет мой праздник тебя влечет
но не зли меня ой не зли
у меня есть
чудище ручное

не за аленьким но гоняется торчит из лба
мутант иноземец разбил колба
а мираж а толика парного молочка примерещилась
я теперь не вода я – женщина

не за аленьким не за цветочком
ты поедь туда там где мы уже
заочно
и мой ряженный суженый не раскрашенный
он без ножек но ходит так же

я ходила бегала и гуляла
а подруга говорит
ты трешь лампу но в ней застряло
может быть ты не так трешь дай я покажу
и потерла умело
и из горлышка - мускулистое умное тело
глаз горит его на губе кунжут
так и села

я иду ко дну
я иду ко дну
я сию блин в башенке жду луну
я сию блин в башенке я в плену
тихо пряник грызу – прячу в чреве кнут
я иду ко дну
я иду

5.

поднатужился и свернулся
собственно что говорить тут такая история смотри в руке пшеница я делаю пальцами так
чуть шевелю локтями
а затем вытаскиваю из ширинки платочки платочки платочки
разноцветные
дети хохочут глаз таращут
и не знают что там
потайной кармашек

они знают только то что я
раскурочен и расфигачен
лечи меня патчем
меня кормят те
кто на трубы звучащие
реагирует плачем
но даже если взлетает испуганная перепелка
я готова
я бумажным платком протерла
и прищутив глаз

говорю – божья вотчина ветчина отчая
и свисают тушками
я сама не здесь я не там – я прочая
слышу ушками

а бардо бардо
всем ветрам назло
говорит без жизни я вижу фигу
что уходит в серое марево
в огромное палево
задубели вы заебали вы
тем не менее я – клиула

тут я забавлюсь немного трусы снимаю а ты сам догадайся как мне не холодно
может быть розенкранц
может быть я кулек на палку палку на спину и так как было
тащу на себе
все препятствия ловят на ерунде
но я знаю что я обратила свой взгляд во панцирь
и теперь я нуждаюсь постольку-поскольку в еде лишь в еде
меня брат мой кормит крапивой

а я ем и нахваливаю уплетаю за обе щеки
я два года уже не ел молоко сгущенное
и глядят и хмурятся – раскурочен и расфигачен
только нету патча у них
а я – реагирую лишь на патч

6.

трещотки носятся и задевают локтем
и румянится либида яростью полнится грохоча
на белом коне по разумной цене
он въезжает в драконье логово
и осматривает окрестности видит лишь пыль
да и та ничья

*за спиною кости их горы
помногу горы
их грызут уже чьи-то зубы
помогут зубы
а ему останутся оставленные брошенные коридоры
и их тени – блеклые и безумные*

только помнить вокруг мечети летали черти
трын-трава забегала вперед
и рублила ноги
среди туч висели светящиеся качели
миллиарды качель
а он сам болтался сигналами в уоки-токи

тут и там стояли домики из карамели
там и тут их лизали
и изнутри и снаружи
пока кто-то не выдержал начал грызть подал знак

*целый город за сутки съели
слиплись в круглое месиво труженики оружий*

а он сам отломил кусочек в кармашек кинул
и кусочек лежит и липнет к бедру
драгоценным камнем
тут и там вырастают
невидимые исполины
там и тут в них врезаются
неощущаемые караваны

ну а то что нервно и те трещотки
головы три штуки четвертой не будет больше
на четыре щеки – две другие щоки
и покатаются и покатаются
в *отчевоже*

только помнить как клокотали глотки
как задевали локти в пустой пещере
видит лишь пыль да и ту нечетко
воздух плотен но там и тут мировые щели

а он сам как царевна – в хрустальный кокон
и смекнул что смыкая веки не видно пыли
трын-трава пробежала мимо
и - подрубила ноги
он сложился упал и качели *его уплыли*

7.

рай живой проживай его жаль его жестки подошвы
а мы как
по гвоздям по гвоздям наперстья напездья
полежай и расслабься накрошен разверст и опошлен
по билету прыгал резина словила
ты съездил

поинял его шкурку расческой а шкирку мачетой
они тут – непредвзяты а мы тут - шикарны плачевны
а мы как они разъявиты и шибко курочны
палец жмет
а мир в клочья в кудряшки и клочья

ты не ребенок ты маленький кусковой сахар
ты от нее от всего отличаешься пахом
говоришь а идите вы на хуй своим аллахам
я сейчас уже знаю
жизнь моя кончится прахом

разукрашенный в радугу рублиохэд я такой же кругляш как все из твоих планет
я нью-гарпия со всего размаха мозгу голову перышками
измеряю жизнь свою - девятью кошками
я – внелимитный завратовый абонент

и ждала его колыма дождалась малыга
грубо написанная книга

был во пламени а теперь их раменки – тъма
колени вывернул – и запрыгал

и там где подошва касалась – озеро
пальчики ног – холма холма
продавщица кричит хурма хурма
сочная
и никто из нее не знает как рушатся
и складываются в колоду дома

она слышит лишь то что не пласт не пласт
этажей десять золотой палац
и палаца крыльцо заполнено шантрапой
неудачно построенный но ревуший турбинами папелац

мне тут сколько говорили не тобой говоримы
я смотрел их мимо и понимал что мимо
что моя истома улиткою вползает на крыльцо даже моего дома
остальное пожар без дыма окись воздуха паромщик чувствующий что дернул веслом
а осталась его парома
и он по воде по воде с ужасом
ищет в себе мужество

а вокруг пир горой вулканом
настоящее выблевнется на плакат
и с ним с нарисованным транспарантом
вылезут титаны – не нужные никому мутанты
люди ха
хихикающие нервно
на то
что их жизнь плоха

8.

будешь вести себя так я тебя выселю
ты никак не реагируешь на мои выстрелы
и суетятся а черемушка сидит и ухмыляется верен своему флагу
императрица анна царапает ногтиком щебенку
глядит на тень собственную
видит изгаженные пеленки
и боится тени и шепчет

чаруй мой чат и лови мессагу

как бы воспротивится укрыться ночными за ними дневные
марьюшка принимает кольцо кладет на чело венец
думает вот он
обещанный гороскопом снайпер мужик стрелец

а ему хотелось трястись в электричке о личном думать теревить вчерашнее тратить время
а за окошком луга поля домики одинаковые и очень страшно
что там на пашнях
происходит чудо а он тут сидит и считает нычки
а сосед напротив яйцо колупает и лицо его обезображено
поездкой
говорит это самочкино гнездо

она хмурила лоб забиралась на верхнюю полку включала плейер разговаривала сама с собой
поезд трясся а она чувствовала что все налажено
и что все неважно
потому что застынет это дивное ощущение и навсегда останется
из точки а в б оплаченном
отрезке

и она
непрощупанная еще
знает будущее видит изгаженные пеленки
самый главный ее просчет

9.

травушка станет моей я по ней ступаю
сминаю ее и на ней исчезну
серебряная рванет
и не сможет понять что то что не ей полезно
обвинит штришочек маленький робкий такой воздушный
я последняя из твоих никуда не лезла
но тошно душно
и не прет

дай кашей яйцо обласкать пощупать
гладкое а внутри – носок с подарком
вроде смотрит орлино а выглядит так кощунственно
и глаза его не сверкают ярко
так и мои существенные и липкие
слова обратят обратно девицу в жабу стрелу воткнут в лоб
она крякнет изумленно но не мне и не ей исправлять не наши с нею ошибки
продаю катафалк
скорбный взгляд бесплатно
покупаете и себе – бонус
гроб

так и справимся так и слюбимся
мол виток во мне твой тревожный укор
обеспечимся обьютубимся
тесен мой и твоих подруг коридор

ну а травушка ну а полюшко
мол широкое мол неси меня
громко цокая громко понежно
загляни под хвост моего коня

дай яга луга дай своим неси
ну ка выкуси ну ка дай луга
я в четырнадцать лет прострочил свое ухо два раза через десять узнал что я сделал пирсинг
так что эти две дырки теперь на века мои на мои века

так чего теперь так чего хотеть так чего желать
ну не этого не такого
я хотел бы смерти яйцо пожать
мол в ее яйце *жизнь легка*

10.

был нагой говорящий гриб
стал тугой говорящий гроб
и на все эти крабле-бумс
говорил ты воскресь воскресь
мы все умерли а они кривлялись
у каждого воробей во рту

директория славы дорога петляла
и самую что ни на есть малость
то что отче наш рассказал тебе той ночью я прочел совсем по-другому
ты же знаешь с каким шорохом падают ленточки в вентиляторе
слишком много их было но мы – эти нервы тратили
и невзрачно вокруг – по-любому

то что рыскало и оскаливалось вертикально ставило волоски
оно тоже пальцами сожмет виски
когда ярость уйдет свернутся волокна
выйдет на тропку ступит скупое
а след останется в нем вскоре затвердеет лужица
голова закружится закружится
воробей во рту
еще более выглядит глупо

дуй на пар из под крышки дуй
балуй игрушку свою балуй
был нагой говорящий гриб
стал игрой другой

это лед и дым и молва и глум
это именно то
что всегда влекло цветами яркими
слишком падок на такое зрелище
слишком падок на такое скопище
туловище пытается снять налет из стали
уж слишком жарко

туловище пытается напугать
ему кажется все разрушено все раскрыто
человек - отравленный порошок
а оно – улыбается в рукав
говорит
расстанемся по-хорошему
выпускает разломанную куколку
из кулака

и за хрипом хрип
за намеком на влажность – топь
за намереньем пасть
серпантины нерва – не сложно и повернуть
чересчур четкая дрожь
туло-юдище смыкает ресницы
и пытается подытожить
не исчезнуть и не пропасть
так, хитренько подмигнуть

мол и сам дрожу и кучкую дробь
мол во все непонятное утыкаю лобь
это свист и рык тишина и крик
и от этих звуков совсем охрип
скоро-скоро не станет – лопнет
чудесный миг
еще тот будет номер

11.

и молись своему богу

молоко капало капало
волчица задумчиво провожала его взглядом
сосцы подергивались тратила то последнее то что
не задумываясь
приходится тратить

приходилось ломать пригодились умение видеть в каждой детали отломанной
человечка
а его все детали вечны
ими пользуясь он не помрет

создатель всея вся
пятно видит его потрет
а волчицын взгляд и его в порошок сотрет
застыдит и заставит работать
на междуречье

так я видел сны не пытался рассказывать не пытался даже слегка намекнуть
что все то что я видел я разглядывал с закрытыми глазами
все кричало праздной лупи ликуй
пусть иначе свой лик полоснул

волчица глядит спокойно взгляд снисходителен обещающ
человечки не выдержат метраж
своих обиталищ
и закладывают еще один вираж

и молись своему богу

капая капая молоком
кажется все зачем все впервые скатывая в ком
думая что вот вот ничего не надо
но им влеком

он уходит встаю на дорогу выдавливаю слезу
и достаю платок
по мелочи этой стучу безрадостно
кулаком

и молюсь своему богу

Дина Гатина

раскалывается
 но не раскаивается
 был болен
 но исцелился клином
 вином
 хорошим сном
 вчерашним
 седлом велосипеда под соусом
 хохота над
 и под
 ты меня извини
 но это правда странное слово
 камчатка, землеройка
 боже сколько она ест
 я разбираюсь
 и чищу стволы как заяц
 о приди весенний вредитель
 не укради
 винтик
 но это все правда
 чистое
 на белые кости
 я разбираюсь в них
 а она ест
 странные слова
 и раскалывается

корейке полночной с веником
 улыбаюсь вот
 а живота прошу маленького как есть
 свет, свет на меня плюхнулся никак
 и ни фильтра ни сетки от мошкары
 кагор кругозору
 салют мальчишу
 в теле шушукуются тельца
 взорванные детьми,
 они неспецом

подходящим ямкам брось кость
 они просто голодные
 думай сам, все ушли в лес

бизнес или семью
 внутри ямки
 колышек и змея

ох как пошла книжка
 смотри

покачиваясь

держись
 за корешок

ваша станция

там хорошо в конце
 я, как водится, подглядела
 и еду дальше
 в самую высь
 где кто-то содержит
 заведомо ложный голос

напиваясь
 удаляет смс
 смеется
 как гиена не в настроении
 на похоронах
 зубы в колени
 у кошечки заболи

у собачки, у лошади
 у слоника заболи

у бегемота, у носорога
 у акулы и осьминога заболи

заболи у жирафа
 у лохнесского чудовища
 последняя гигантская черепаха можешь
 сдохнуть

у эвглены зеленой заболи, у синего кита
 ну пожалуйста

ИНСПЕКТОРУ ГНЕЗДОВИЙ

3

1

блестит гнездо болезни издали
друзья туда мне звезды сдали
а сколько вилок
а гвоздей
хватило бы
одной и трех
я в целостности-сохранности прорех
и голова не отрывается убрать
или прикрыть
к нам едет генерал
а может ревизор
а у нас грязь
позор
на мою голую
веселую
полую
я в целостности-сохранности шучу
среди сокровищ
ни шуток ни богатства моего
ты не раскроешь
бедный поминутно
в затылок зеркальцем пущу
велосипедным
и если будет хуже как всегда
само собой
и этих рож прибудет
я ринусь в рожь
на колеснице боевой
пока там нет комбайна
под кобейна
и плачет плачет золото моё
как лотосы как хочется домой
колючей проволоки лучшей
нигде не видели, мон шер

а подметешь и вроде обошлось

срочная сорочья помощь, срочная сорочья
помощь
где фольга
мы ее потеряли

2

гнездовому инспектору
средней руки
не хватает
он хватает за грудки
а было бы так удобно
разве плохая мечта
комната где
до потолка подушки
а было бы так удобно
красота
некрасивые только тушки
и рук не хватает, это да

Вера Сажина

Вас погубил Ns.
даже шёпот
этих слов
их мысленное произнесение
не показалось Вам
простительным.
Кажется,
Вы ушли навсегда.

Когда Вас откопают
привезут снова
в (ка)
нарядной карете,
Вы, не взявши
того что несъедобно
И произнеся
всё же того что
непроизносимо,
проехали через
родной лес,
село, посёлок,
снова подъезжая,
приближаясь,
К дому своего
рождения. /

Вы благородно
писали своё имя
просто: имя
без дроби, но и без суммы.
Не умножая
страдания этого мира
хоть и огнём могли
преобразить весь этот мир
очистив его от скверны
чья лошадь выглядит
мёртвой
чьё тело выглядит
расчленённым,
чей кусочек
Живого тепла
тела Вашего огненного
Я не взяла сегодня /
в лесу у родника. /

Не возьму пищи
И не хотела брать пищи. /

Я простился
по индейски.
Я жил в этом женском
теле
без страха /

В клобуке,
Не Вы.
Вы бы не взяли этого,
если бы могли.
Ваша доброта
была безмерной
ваша доброта
была непридуманной.
Вы пекли пироги
И одаривали ими /
всех гостей. /

Вас звали Беатриче.
Нет, ваше имя
Я не осмелюсь
теперь произнести.
Вы нежная, прародительница /
стихов. /

Вы, дама с рассечённым
словом,
бублик напомаженный
Не отвечаю в особые дни
простите в другие дни,
б`н`ном, свой держа
торопи коней
а я пропаду.

Имея мужской рассудок
И женское окружение
Вы не стали женщиной
в своём сознании,
хоть и имели сострадание
к женской,
Вы, разве, имели,
сострадание,
коридор этот проклят
но тьма закрыла
все лампы /
тряпками берёзовыми,
госпожа левая ночь,
белая лесная фея,
бревно расколотое
молнией ума железного.

Зарядил железо
своим гневом. ~~Гар-~~
~~миротворец~~ гос

Вы синими лентами
были, но она я
не пойду.

/четв-
пятн

Она снова рождалась
в ледяном море
страдания;
Я отправил молнию
И очистил океан.
/5тница2004
окт. Покров

Вы сказали, что Елена Блаватская принцесса
вы трижды короновали её С помощью
медного наголовника, сделанного
вместе с сыном кузнеца,
В мечтах об умении
кукольный мир постичь.
Вы же потом сообщили что не желаете
никого видеть вы гневались
зачем приходят люди в мир
красного одеяла, вы лохмотьями
развесили снег на деревьях,
вы лесами зачеркнули
путь внутрь часов.
Где ваше лицо?

Вам за сухим птичьим пометом
радость обещали, а вы –
вы же знали, что
тот кто потешался
почему так? Это солью
обсыпали все места
пребывания лося
сохатый сила ушёл.
Это тонкий мир.
Кто знал своё трон
умел прятать
Кто не любил розовые крыши
угол, поворот сада
это тюрьма возникла
Судьи строгие повышли.
Это ты поклонялась
на него на его любовь.
На эту женщину. На то какой он.
Пусть на меня поклоняются теперь.
это другое.
Ты не ждала ведь такое
Лицо сделай лицо сделай
большое
с перепончатыми звёздами
Вокруг хурала.
и Баба Яга
медной рукой
отсекает
все плохое
позади лесного идола горы.
авг1999

Да, Вы
ведьмин угол
завели;
срезали
против
солнечного оборота,
(умей) переворачивай
огненный округлый
(дно)
жизнь дерева, цветка, меня.
-/сент03

Твердь, листья
(сада вечернего)
жизней (огнелетающих)
вербных, красивых,
между ними
месяцы
небоговорящие цари,
славно воркующие
красные, связаны, через
листья сада единственного.
/23 сент.

Мячики
фольгой обернутые,
семи щелчков,
громов.
/23сент03

твёрди
летят
твёрди
летят
твёрди
летят
(возвышается)
медицинская
судном плывущая
непеределанная ещё.
/23сент
2003

Завитушками
месяцы
заря сияет
вода моей реки
настигла
меня,
наконец!
Возобновляю костяных
гарпий
перелёт осенний
возвращаю лохмотья
страх, комбинацией
прежних шедевров
созидающий небытие,
уймись!
/пятн
после
пожара

Смерть маленькая
колдунья
На палочке мороженого
Из будки ласково
по прежнему
глядящая

Матери земли
в стеклянное
лицо
Улыбающаяся
на столбах
поднялась
дорога

Катайтесь мирно
И никаких сбоев
в работе транспорта.
Где же найти
цветы
Чтобы восславить
жизнь?
Пожары на горе
кудесников
нередки так
говорят
Танцуют целуют
(кони) (окровавленное
небо)

Губы коня спугнули
ветры
и остановили пляску
огня
Зелёное
покрывало

О Великий Синий!
(небо моё)
Мысли улетели,
(Впотьмах) (существования)
ни за грош
тебя отдали
ты сдвоенный.

/28окт
2004

Ты отдал свои халаки
Но не отдал
своих
хариусов, рыб моря прозрачного
единственного.
Ты присуствуешь.
ничего не будет.
Всё ещё будет.
Двойное тело
в белом море
чёрное тело поглощающее моря.

/28окт
2004

О Великий Синий
Синяя борода не ходи не ходи.
Ты ходил
ты вернулся
Ты сломан? Чок
Я жив ещё.
Говорящая голова
девочкой стою возле твоего
купола неба синего, чёрного
петухи летают радугами.

2004

А, ты выломал череп,
ремешок сделал,
а, кости из головы
взял
собой украсил
синего создал старика
ах, в небо улетел старик,
о, в небесах летает старик
э, в волосах ношу челюсть старика
о, на дереве висит челюсть старика,
э, в волосах ношу (хавак) лоб старика
а, тарелку старика вылизываю языком.

/28окт
2004г.

Она меня
канатами прикрутила
к церковной ограде.
!Под перемещающуюся
линию горизонта
пыталась засунуть!
А на груди
ещё
табличку гвоздями
приколотили: «Mari».
(В том смысле
чтобы сквозь мерцающее
море полоза смотреть
И не задыхаться от жути.)
Так она думала
со мной общаться
по-божески.
Они вырыли мне
яму и швырнули туда.
«погаснет твой шар».
(В сарафан даже одевали:
«русские провода зимы».)
спинной мозг, а за ним
машины едут вниз.
Розовую одену шаль,
белое платье, белые брючки:
«женственно.»

/25январь
Татьянин День
2004г.

Об авторах

Шамшад Абдуллаев

Родился 1 ноября 1957 года в Фергане. Поэт, прозаик, эссеист. Лидер ферганской литературной школы. В 1991-1995 годах заведовал отделом поэзии ташкентского журнала «Звезда Востока». Лауреат премии Андрея Белого за 1993 год и премии журнала «Знамя» за 1998 год. Публикации стихов, прозы, эссе: журналы «Звезда Востока», «Поэзия и критика», «Вестник новой литературы», «Митин журнал», «Воум», «Знамя», «Волга», «Уральская новь», «Черновик», альманахи «Так Как» (Ташкент), «Молодость» (Ташкент), сборник «24 поэта и 2 комиссара», финско-русская антология «Кто говорит» (составитель Ю. Маллинен, 1997 г.). Автор поэтических сборников «Промежуток» (1992), «Медленное лето» (1997), «Неподвижная поверхность» (2003), книги прозы «Двойной полдень» (2000).

Фото: © Дмитрий Кузьмин

Александр Скидан

Родился в Ленинграде в 1965 году. Поэт, критик, переводчик. Автор поэтических сборников «Delirium» (1993), «В повторном чтении» (1998), «Красное смещение» (2005), книг эссе «Критическая масса» (1995) и «Сопротивление поэзии» (2001). Переводы современной англоязычной поэзии и прозы, в том числе романа Пола Боулза «Под покровом небес». Лауреат Тургеневского фестиваля малой прозы (1998), Премии «Мост» за статью «Конец перемирия» (2006) и Премии Андрея Белого в номинации «Поэзия» (2006). Живет в Санкт-Петербурге.

Фото: © Алексей Балакин

Андрей Поляков

Родился в Симферополе в 1968 году. Окончил филологический факультет Симферопольского государственного университета. Работал редактором в издательстве, экспедитором, журналистом, редактировал газету и журналы, преподавал гума-

нитарные дисциплины. Живёт в Симферополе. Малая премия «Москва - Транзит» (2003). Шорт-лист Премии Андрея Белого (2003). Книги: Epistolae ex Ponto. Симферополь: Дар, 1995; Орфографический минимум. Спб.: Пушкинский фонд, 2001; Для тех, кто спит. М.: НЛО, 2003. Стихи в антологиях «Девять измерений», «Самиздат века», «10/30: Стихи тридцатилетних», «Освобождённый Улисс» и др. Периодика: «Знамя», «Русская мысль», «Митин журнал», «Новое литературное обозрение», «Критическая масса», «Вавилон», «Черновик», «Авторник», «Новая Юность», «Арион», «Золотой век», «Гуманитарный фонд», «Альманах ЛИА Руслана Элинина», «Новая Камера хранения», «TextOnly», «Топос» и др. Стихотворения и поэмы переводились на французский, немецкий, итальянский, болгарский, украинский и другие языки.

Любимые цитаты:

«Всех поэтов должно звать одним и тем же именем — Авель. По-древнееврейски оно означает дым, пар, туман, вздор и всяческую чепуху.»
(Волохонский)

«Орфей был человеком, я же - сизым дымом...»
(Вагинов)

«Много я писал об Авеле и Орфее, о дыме, о тумане и о поэте себя...»
(Поляков)

Фото: © Дмитрий Кузьмин

Николай Звягинцев

Родился в Подмосковье (04.01.1967), живет в Москве. Окончил Московский архитектурный институт. Работал некоторое время архитектором-реставратором, сейчас занимается дизайном в рекламе. Книги: «Спинка пьющего из лужи» (М.: АРГО-РИСК, 1993); «Законная область притворства» (М.: АРГО-РИСК, 1996); «Крым НЗ» (М.: ОГИ, 2001). Публикации: «Вавилон: Вестник молодой литературы», «Авторник: Альманах литературного клуба», антология «Самиздат века», антология «Девять измерений», журнал «Волга», альманах ЛИА Р. Элинина, коллективный сборник группы «Полуостров», газеты: «Независимая», «Гуманитарный фонд» и т.д. Стихи переведены на английский, французский, украинский.

Канат Омар

Родился в 1971 году в пос. Краснокутский Павлодарской области (Казахстан). В 1996 г. закончил Санкт-Петербургскую государственную академию культуры (СПбГАК) по специальности «режиссер киноvideостудии». С 1996 г. живет в Павлодаре, с 2001 г. в Астане. Публикации с 1988 г. в журналах «Простор», «Нива», «Аполлинарий», «Перекресток», «Арион», «Сельская жизнь» (самиздатский журнал, выходящий в поселке Коломяги Ленинградской обл.), «Новая Юность», в российских и казахстанских газетах. Участник литературных альманахов «Сквозь свет» (1990), «Прогулка» (1996), «Na barje» (1998), сборника «Явь и сны» (2001), антологии «Освобожденный Улисс». Автор пяти книг стихов («Это не книга», «Человек в квадрате», «К еще более бледным», *сукно, замерзает вода*). Интернет-публикации: *TextOnly*, *Vernitskii Literature*, *АРБА*, *РЕЦ*.

Василий Бородин

Родился в 1982 году в Москве. Стихотворения, эссе и графика публиковались в журналах «РЕЦ», «Новый «Драгоманъ Петровъ»», «Reflect», «Tectonly», в Альманахе и Временнике стихотворного отдела (2004-2006) Новой

Камеры Хранения.

Стихи на сайте «Библиотека Трамп»:

<http://enatramp.narod.ru/izvo.files/borodin.files/pesni.html>

Графика на сайте галереи Саачи: http://www.saatchi-gallery.co.uk/yourgallery/artist_profile/Vassily+Borodin/22784.html

Страница на сайте «Полутона»:

<http://polutona.ru/?show=vasborodin>

Виктор Іванів

Родился в 1977 году. Корпус стихотворений представлен в книге «Стеклянный человек и зеленая пластинка» (М.: Ракета, 2006) и в двух публикациях на сайте «Полутона» -

«Голос Полдня»:

<http://polutona.ru/?show=0808135845>

«Четыре недели - старая, новая и страстная»:

<http://polutona.ru/?show=0417160806>

Фото: © Ирина Леутина

Мария Вирхов

Родилась и живет в Ямболе, Болгария. Поэт, переводчик. Стихи на болгарском и русском языках. Автор книг «Жълта поезия» (Литературен Форум, 1995), «Вягърът Мъртъв Език» (ЛИК, 1998), электронная книга «Танци» (Интернет, 2005). Переводы стихов (в том числе Ник Кейв, Том Уэйтс, Лу Рид, Дэвид Боуи, Перец Бернштейн, Питер Мерфи, Велимир Хлебников, Осип Мандельштам, Владимир Маяковский, Янка Дягилева) и пьес («Русская народная почта» Сергея Бугаева, «Верона» Алексея Шипенко и «Чайка» Антона Чехова) с русского и английского.

Гали-Дана Зингер

Поэт и переводчик (русской литературы на иврит, израильской – на русский). Родилась в Ленинграде. С 1988 года живет в Иерусалиме. Редактор сетевого журнала «Двоеточие» (<http://polutona.ru/index.php?show=dvoetochie>). Автор четырёх книг стихов на русском языке и трёх книг на иврите. Русские стихи публиковались также в журналах «22», «Солнечное сплетение», «Стетоскоп», «Камера хранения», «Арион», «Знамя», «Воздух» и др., а также в антологии «Освобождённый Улисс». Лауреат ряда израильских литературных премий.

Александр Платонов

Родился в 1955.
Москвич.

Семьянин.
Биофизик.
Православный.
Русский.
Футболист.

Портрет: © Борис Кочейшвили

Андрей Сен-Сеньков

Родился в 1968 г. В Таджикистане. С 2002 г. в Москве. Поэт, прозаик, фотохудожник. Книги – «Деревце на склоне слезы» (1995), «Живопись молозивом» (1996), «Тайная жизнь игрушечного пианино» (1997), «Танец с женщиной, которая немного выше» (2001), «Дырочки сопротивляются» (2006); все – изд-во «АРГО-Риск», Москва. «За-

остренный баскетбольный мяч» (2007), изд-во «Энциклопедия», Челябинск. Публикации – журналы «Вавилон», «Арион», «Черновик», «Новое литературное обозрение», «Воздух», «НАШ», «Юность», «Уральская новь», «Абзац», «TextOnly», «Авторник», «В моей жизни», «РЕЦ», «Слово/Word», «БЛ.ЯТЬ!», «Poesia», «e-samizdat», «Europe», «kultura», «Kto Zdes?», «WAM», «Союз Писателей», антологии «Самиздат века», «Современная литература народов России», «Нестолничная литература», «Девять измерений», «Очень короткие тексты», «La Nuova Poesia Russa», «Poesia del Novecento In Italia e Europa», «La Nuovissima Poesia Russa», «Crossing Centuries», сборники «Самое выгодное занятие», «По непрочному воздуху», «Секреты и сокровища: 37 лучших рассказов 2005 года», «Укус и крокодилы: 38 лучших рассказов 2006 года», «Черным по белому», «То самое электричество», альбомы «Moscow Style» (Великобритания) и «Artography», газеты «Гуманитарный Фонд», «Ex Libris НГ». Переведен – на итальянский, английский, французский, немецкий, голландский.

Родился в 1972 г., окончил Харьковский авиационный институт. Стихи публиковались в журналах «Воздух», «Черновик», «Арион», «Дети Ра», «Стых», альманахах и антологиях «Вавилон», «Паноптикум», «Время „Ч“», «Временник Новой Камеры хранения», «Освобождённый Улисс», в интернете (TextOnly, «Полутона», Vernitskii Literature, «Артвертеп» и др.). Автор книги короткой прозы «Маленький счастливый вечер» (Харьков, 1997).

Юрий Цаплин

Родилась в Москве. Выросла в США. Кроме стихотворений, публиковала в Интернете переводы русской поэзии на английский и англоязычной поэзии на русский. Книга стихов «[12.7.2007]» (М.: НЛО, 2007). Стихи публиковались в альманахе «Вавилон», журналах «Новое литературное обозрение», «Воздух», «TextOnly», «REFLECT... КУАДУСЕШЦТ», антологиях «Девять измерений» и «Освобождённый Улисс».

Ника Скандиака

Родилась в Москве. Выросла в США. Кроме стихотворений, публиковала в Интернете переводы русской поэзии на английский и англоязычной поэзии на русский. Книга стихов «[12.7.2007]» (М.: НЛО, 2007). Стихи публиковались в альманахе «Вавилон», журналах «Новое литературное обозрение», «Воздух», «TextOnly», «REFLECT... КУАДУСЕШЦТ», антологиях «Девять измерений» и «Освобождённый Улисс».

Анна Глазова

Исследователь немецкой литературы, поэт, переводчик. Книга стихов «Пусть и вода» (Москва: Проект ОГИ, 2003; шорт-лист премии Андрея Белого); стихи публиковались в журналах и альманахах «Вавилон», «Воз-

дух», «Черновик», антологии «Девять измерений», «Освобожденный Улисс», а также в Интернете. Переводы с немецкого: стихи (П. Целан, Э. Яндль, Ф. Майрёкер); рассказы и роман «Разбойник» Роберта Вальзера, сборник прозы Уники Цюрн «Темная весна» (книги в издательстве «Колонна»).

Тимофей Дунченко

Родился в 1982 году в Твери, сейчас живет в Петербурге. Ранние тексты публиковались под псевдонимом в журналах «Нева», «Звезда». Лонг-лист премии Дебют (2006). Участвовал в фестивалях: «Петербургские мосты» (Санкт-Петербург, 2004), Пятый майский фестиваль новых поэтов (Санкт-Петербург, 2006) «Slowwwwo» (Калининград, 2004, 2005, 2006), «Стрелка» (Нижний Новгород, 2005, 2007).

Дина Гатина

Родилась в городе Энгельсе, живет в Москве. Училась в Саратовском художественном училище им. Боголюбова. Автор книги стихов «По кочкам» М.-Тверь, 2005). Публикации в журналах «Вавилон», «Авторник», «Черновик», в антологиях «Анатомия ангела», «Братская колыбель», «Девять измерений», «Черным по белому», в сборниках фестивалей верлибра «Легко быть искренним», «Самое выгодное занятие», «По непрочному воздуху». В Интернете – на сайтах vavilon.ru и «Vernitski Literature».

Участвовала в фестивалях: «Биеннале поэтов» в Москве (2001, 2003, 2005), «Est-Ouest» (Ди, Франция, 2004), «Майские чтения» (Тольятти, 2005, 2006) «Стрелка», «Slowwwwo»

Фото © Дмитрий Хан

и др., а также в Норильске и Саратове (оба - 2007). Стихи переводились на английский, французский и итальянский языки. Лауреат Национальной молодежной литературной премии «Дебют» (короткая проза, 2002), шорт-лист (поэзия, 2001).

Вера Сажина

Поэт, художник и певица. Окончила психологический факультет МГУ, много лет работала в больнице. С середины 80-х выступает в авангардных музыкальных проектах, с начала девяностых участвует в выставках современного искусства. В 2003 году издала книгу стихов «По обе стороны невода». Последние годы выступает, сочетая авангардный вокал с чтением стихов и собственными песнями под баян.

